
РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:
ПИСЬМА ЗООЛОГА К.И. ГАВРИЛОВА ИСТОРИКУ Н.Е. АНДРЕЕВУ
(1948–1980)

*Предисловие Е.Н. Андреевой, М.Ю. Сорокиной;
подготовка текста А.А. Жидковой;
комментарии Е.Н. Андреевой, Н.Ю. Масоликовой, М.Ю. Сорокиной*

29 сентября 1938 г. в пражском аэропорту провожали делегацию Чехословакии во главе с президентом Эдуардом Бенешем (1884–1948), улетающую в Мюнхен на переговоры канцлера Германии А. Гитлера с главами правительств Великобритании, Франции и Италии о будущем чехословацких Судет, где проживало значительное немецкое население. Вопреки обещанию чехословацкие представители не были допущены к обсуждению, и в час ночи 30 сентября 1938 г. Н. Чемберлен, Э. Даладье, Б. Муссолини и А. Гитлер подписали Мюнхенское соглашение, положившее начало расчленению Чехословакии и оказавшее историческое влияние на будущее Европы.

В эти судьбоносные для Чехословакии и всего мира часы в зале ожидания пражского аэропорта скопилась значительная группа пассажиров, чьи вылеты были отложены на 1,5–2 часа. Среди них был и тридцатилетний преподаватель Карлова университета зоолог Константин Иванович Гаврилов (1908–1982)¹, чей путь лежал на южноамериканский континент, в Аргентину, где с начала 1920-х гг. уже находилась большая часть его семьи.

Беженский опыт Гавриловых, вынужденно покинувших Россию в годы Гражданской войны, подсказывал, что тучи военно-политического безумия все более сгущаются над Чехословакией и всей Европой, и глава семьи — инженер-кораблестроитель Иван Александрович Гаврилов — вызвал сына в казавшуюся безопасной в своем заокеанском отдалении Латинскую Америку. Гаврилов-старший работал на военно-морской флот Аргентины и имел право свободной погрузки на учебные военные суда, уходившие в Южное полушарие, которым и воспользовался для переправки сына. Маршрут Константина Гаврилова пролегал через многие страны: из Праги через Швейцарию и Нидерланды он летел в германский Бремен, откуда 1 октября 1938 г. должен был отплыть в Аргентину.

Страна, в которую ехал К.И. Гаврилов, начиная с конца XIX в. уже испытала несколько иммиграционных волн из России. После введения всеобщей воинской по-

¹ О нем см.: Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 138; Ульянкина Т.И. Жизнь в изгнании: Письма М.М. Новикову — бывшему ректору Московского университета // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 1. С. 142–145; Александров Д.А. Михаил Михайлович Новиков: ученый, общественный деятель, организатор науки // Деятели русской науки XIX–XX вв. Вып. 2. СПб., 2002. С. 105; Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье». Пилотный выпуск 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в. М., 2010. С. 30–31; Ульянкина Т.И. «Дикая историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 138–139.

винности в России в 1874 г. сюда отправилось немало российских поволжских немцев и евреев из западных областей Российской империи, а также регулярно приезжали сезонные работники, в основном крестьяне из центральных и западных губерний².

Сравнительно комфортный климат, обилие плодородных земель для создания земледельческих колоний, толерантная к культурным и религиозным традициям иммигрантов социальная среда, предоставлявшая большие возможности для личностного и профессионального развития и воплощения индивидуальных проектов, — все это привлекало российских переселенцев. Немало способствовал российскому продвижению на латиноамериканском континенте и знакомству россиян с культурой и жизнью Аргентины первый посланник России в этой стране Александр Семенович Ионин (1837–1900). В 1880–1890-е гг. он участвовал в установлении дипломатических отношений России с Аргентиной, Уругваем и Мексикой и вдоль и поперек объездил весь континент. Четырехтомник Ионина «По Южной Америке» (1892–1902) — фактически первый фундаментальный труд по истории Аргентины — был удостоен Императорской Академией наук премии имени митрополита Макария.

К началу XX в. Аргентина стала второй после США страной, куда направлялись эмигранты из России³. Иммигранты славянского происхождения составили здесь треть по численности (после итальянцев и испанцев) национальное меньшинство — более 100 тыс. человек.

С окончанием Гражданской войны в России небольшой поток «белых» эмигрантов также направился в Латинскую Америку, Аргентину в частности. Консульские службы латиноамериканских государств в Европе, частные колонизационные общества с участием русских иммигрантов, а также Общество русских эмигрантов для переселения в Южную Америку способствовали их переезду и трудоустройству⁴. Однако существование «белых» русских беженцев в Аргентине, особенно на первом этапе адаптации к

² К 1914 г. в Аргентине проживало свыше 40 тыс. российских немцев и около 100 тыс. евреев из России. Считается, что собственно русские массово появляются в этой стране после 1906 г. (подробнее см.: *Крюков Н.А.* Аргентина. СПб., 1911; *Путятова Э.Г.* Русские источники по истории трудовой эмиграции в Южную Америку в конце XIX — начале XX века // *Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.* М., 1997. С. 71–78).

³ См.: *Парчевский К.К.* В Парагвай и Аргентину. Париж, 1936; *Окунцов Н.К.* Русские эмигранты в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967; *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980; *Русское зарубежье в Латинской Америке.* М., 1993; *Мосейкина М.Н.* Аргентина и аргентинцы в восприятии российских эмигрантов конца XIX — первой трети XX в. // М-лы Всеросс. науч. конф. «Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия». М., 2008. С. 95–99; *Она же.* Российская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1930-х гг. // *Российская история.* 2010. № 3. С. 80–100.

⁴ См.: Совет по расселению русских беженцев: М-лы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). Константинополь, 1921. Вып. 1; *Владимирская Т.Л.* Проблемы адаптации российских эмигрантов в странах Латинской Америки // *История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках.* М., 1996. С. 152–162; *Мосейкина М.Н.* Из истории адаптации русской эмиграции в Аргентине в 1920–1930-е гг. // *Россия и мировая цивилизация: М-лы междунаrodn. науч.-теорет. конф.* М., 1996. С. 23–44; *Она же.* Роль политических и общественных организаций в процессе адаптации русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1917–1945 гг. // *Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.): Сб. ст. М., 1999. С. 100–115; Она же.* «И вот я... в столице Буэнос-Айрес!»: Белая эмиграция в Аргентине в начале 1920-х гг. // 1920 год в судьбах России и мира: Апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: Сб. м-лов междунаrodn. науч. конф. Архангельск, 2010. С. 54–57.

новой среде, было весьма сложным и напряженным. В отличие от своих соотечественников, осевших в Европе в чемоданном настроении, многие из них понимали, что такая межконтинентальная миграция означала эмиграцию в один конец. К тому же им приходилось заниматься преимущественно тяжелым промышленным трудом, а бывшие офицеры, игравшие важнейшую роль в русской диаспоре, не принимались на службу в аргентинские вооруженные силы, хотя и были востребованы как военные специалисты⁵.

Тем не менее в 1920–30-е гг. столица Аргентины Буэнос-Айрес была для российской диаспоры своего рода южноамериканским Парижем. Здесь еще с конца XIX в. служил в православном храме отец Константин (Изразцов; 1865–1953) и существовала русская православная община (с правами юридического лица), издавалось пятнадцать русских газет и журналов, был создан отдел Русского общевойскового союза, функционировали многочисленные общества, кружки и объединения эмигрантов. Связующим центром для них служила еженедельная газета «Русский в Аргентине», тираж которой доходил до 4 тыс. экземпляров и рассылался по всей Южной Америке. В Национальном аргентинском театре осуществлялись постановки русских опер («Борис Годунов», «Царь Салтан», «Сказание о невиданом граде Китеже и деве Февронии» и др.). И все-таки, как справедливо замечено историком, это был довольно замкнутый мир, живший собственными интересами, читавший собственные газеты, отдыхавший в собственных клубах и молившийся собственному Богу⁶.

После Второй мировой войны и нового исхода беженцев из СССР и Европы в страны Латинской Америки русская диаспора в Аргентине резко возросла. В 1948 г. президент страны генерал Хуан Доминго Перон (1895–1974) согласился принять до 10 тыс. русских, независимо от их возраста и семейного положения. Последние два обстоятельства были особенно важными, так как другие страны объявляли значительно более жесткие условия приема беженцев. Однако перебралось в Аргентину примерно вдвое меньше. Состав прибывших был очень разнообразный — от перемещенных лиц (ди-пи) и бывших советских военнопленных в Германии до кадетов, членов катакомбной церкви и узников Соловецкого концлагеря.

Среди россиян, прибывших в Южную Америку до и после Второй мировой войны, были и научные специалисты, но современная историография почти не упоминает о них. Между тем латиноамериканские государства оказались для российских ученых не только временным убежищем, но местом сохранения и приумножения своего научного потенциала. В отличие от ряда коллег, утративших в изгнании высокий социальный и профессиональный статус, в Аргентине и Бразилии, Чили и Парагвае ряд российских ученых стали основоположниками научных школ, основателями институтов и лабораторий⁷. Особенно большое значение

⁵ Так, напр., генерал-лейтенант Алексей Владимирович Шварц (1874–1953) служил профессором фортификации в аргентинской Высшей технической военной академии; генерал-майор Анатолий Аполлонович Бейер (1876–1938) — экспертом-химиком на газовом заводе в Буэнос-Айресе.

⁶ См.: Мартынов Б. Парагвайский Миклухо-Маклай: Повесть о генерале Беляеве. М., 1993.

⁷ См., напр.: Ульянова О., Норабуэна К. Русские в Чили. Santiago, 2009; «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / Предисл., сост., подгот. текста и коммент. Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 363–384.

для латиноамериканских стран имел их богатый организационный, инженерный и научный опыт в нефте- и горнодобывающих отраслях промышленности. Дети российских специалистов с успехом адаптировались к новому культурно-историческому и социально-политическому ландшафту и навсегда остались в этих странах, внося большой вклад в развитие национальной науки и образования.

Настоящая публикация писем профессора Константина Ивановича Гаврилова впервые вводит в научный оборот значительный эпистолярный комплекс российского ученого, жившего и работавшего в Аргентине на протяжении нескольких десятилетий XX в., и приоткрывает почти неизвестный на родине мир российской научной диаспоры в этой стране.

Зоолог, зоопсихолог и психоаналитик Константин Иванович Гаврилов (Gavriloff; Gavrilov) родился 27 июля (9 августа) 1908 г. в деревне Боровенка Новгородской губернии в семье, имевшей богатые профессиональные традиции. Почти все ее представители на протяжении десятилетий были связаны с морской службой.

Его отец — Иван Александрович Гаврилов (1873–1966) — был известным российским судостроителем и имел весьма примечательную профессиональную карьеру. Выпускник кораблестроительного отделения Николаевской морской академии (1898), он в 1899–1902 гг. осуществлял наблюдение за постройкой эскадренного броненосца «Цесаревич» и крейсера 1-го ранга «Баян» во Франции. Здесь Гаврилов-старший прослушал также курс в Высшей электротехнической школе в Париже. По возвращении в Россию в 1903 г. он был назначен старшим помощником заведующего Опытным судостроительным бассейном Ивана Григорьевича Бубнова (1872–1919), создателя первых российских подводных лодок, а затем служил на Невском судостроительном заводе. В 1908 г. Гаврилов был зачислен по Корпусу подводных командиров, а в 1908–1912 гг. возглавлял техническое бюро Адмиралтейского завода. В эти годы он участвовал в проектировании крейсера-разведчика 30-узловой скорости (1904), подводных лодок, канонерских лодок для Каспийского моря («Карс», «Ардаган»). С 1912 г. И.А. Гаврилов — технический директор создававшегося в Ревеле судостроительного завода акционерного Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов (в 1913 г. трансформированного в Русско-Балтийский завод). Здесь, в Ревеле, Гаврилов продолжал служить до 1920 г.

Мать Константина Гаврилова, Александра Константиновна (1879–1962), принадлежала к знаменитому роду Пилкиных, также известному своей многовековой службой российскому военному флоту. Ее отец, полный адмирал Константин Павлович Пилкин (1824–1913), возглавлял Морской технический комитет (1888–1896), состоял в свите императора Николая II (1909–1913)⁸. Именем К.П. Пилкина назван мыс в бухте Провидения в Беринговом море.

Александра Константиновна была единственной дочерью в семье потомственных военных. Все пятеро ее братьев служили в вооруженных силах и военно-морском флоте Российской империи. Старший, Владимир (1869–1950), достиг звания контр-адмирала флота. Участник обороны Порт-Артура во время Русско-япон-

⁸ См.: Коршунов Ю.Л. Адмирал, которого мы забыли // Нева. 1999. № 4. С. 207–213.

ской войны, командир эсминца «Всадник» (1909–1911), линкора «Петропавловск» (1911–1916), 1-й бригады крейсеров Балтийского моря (1916–1917), он в период Гражданской войны был морским министром в Северо-западном правительстве при генерале Н.Н. Юдениче⁹. В эмиграции В.К. Пилкин возглавлял Кают-компанию русских морских офицеров в Ницце (Франция), где и скончался. Его брат Алексей (1881–1960) последовательно командовал эскадренными миноносцами «Смелый» и «Москвитянин», в 1916–1917 гг. — миноносцем «Новик». В 1918 г. Алексей Пилкин участвовал в Ледовом походе Балтийского флота, а по окончании Гражданской войны эмигрировал в США. Третий из братьев Пилкиных, Константин (1870–1948), полковник, участник Первой мировой войны и Белого движения, также умер в эмиграции.

После 1917 г. в советской России остались двое братьев Пилкиных. Сергей (1872–1944 (?)), заведовавший иностранным отделом Библиотеки Академии наук, в 1929 г. был арестован по известному «делу Академии наук» и в 1931 г. приговорен к высшей мере наказания, замененной 10 годами лагерей, которые он отбывал на Соловках. Ротмистр гвардии, кавалерист Михаил Пилкин (1878–1924) также скончался в России.

Трагическая судьба Пилкиных — эмиграция и / или смерть в России — очень характерна для многих тысяч русских семей, чья жизнь оказалась изломана событиями большевистской революции и Гражданской войны. В полной мере они затронули и семью юного Константина Гаврилова, жившую в то время в Петрограде. О том, что им пришлось пережить в революционную стихию, ярко говорит запись из дневника его дяди, В.К. Пилкина, от 26 февраля 1919 г.:

Бедная, бедная Ася [мать К.И. Гаврилова]! Она сообщает, что деньги ее подходят к концу, что за две недели она истратила 10 тысяч рублей, что если бы она тратила меньше — дети ее умерли бы с голоду, что она пухнет от голода и холода, пухнут Алек и Миша, а Вера и Костя худеют. Ася приложила письма детей. Верочка ничего не написала, я понимаю отчего. Ей тяжело было писать, а Костя написал письмо, и письмо это совершенно взрослого человека, хотя ему всего только 10 лет. Он тоже пишет о голоде, холоде, о дороговизне и просит отца взять их к себе, в Ревель... Ваня [И.А. Гаврилов] был потрясен, я это видел. Да и все мы были потрясены... Я не спал всю ночь¹⁰.

Только в сентябре 1920 г. Александра Константиновна Гаврилова с детьми добралась до Нарвы и воссоединилась с мужем¹¹. Так семья Гавриловых на много лет осела в Эстонии.

Константин Гаврилов окончил русскую гимназию в Таллине, где учился в одном классе с будущим известным историком Николаем Ефремовичем Андреевым (1908–1982), ставшим его ближайшим другом. «Эту дружбу мы сохранили на всю

⁹ Недавно опубликован его дневник этого периода: *Пилкин В.К. В белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920 гг.* М., 2005.

¹⁰ Там же. С. 117.

¹¹ См.: Там же. С. 362.

жизнь, — писал позднее Андреев, — хотя, к сожалению, потом мы жили очень далеко друг от друга»¹².

По воспоминаниям Андреева, Гаврилов уже в гимназические годы был «человеком донкихотского стиля»¹³. Он носил черные куртки, был всегда бледен — «наследственная черта. Рано начал седесть, к 18 годам половина головы была седой. Носил он очки... Знающий, трудолюбивый, отличный товарищ и очень популярный...». Одноклассники даже сложили о Косте стишок: «Кто у нас анахорет? Любитель умных пыльных книг? То — Гаврилов наш, аскет, безумный девственный старик»¹⁴.

Андреев ценил в друге его верность идеалам, правде и дружбе. Хотя К.И. Гаврилов больше интересовался естественными науками, а Н.Е. Андреев занимался филологическими предметами, они вместе ходили в театр¹⁵ и интересовались русской литературой и поэзией¹⁶. Они оба окончили русскую гимназию в Таллине с отличием, получив диплом «*sum laude*», а в 1927 г. вместе поехали учиться в Прагу (Чехословакия), где продолжали дружить, часто встречались и поддерживали друг друга как в академических вопросах, так и в личной жизни.

Юный Гаврилов уже тогда точно определил сферу своих интересов — естественные науки. Он был членом гимназической академической группы, а в 1927 г. поступил на естественное отделение философского факультета Карлова университета в Праге, который окончил в 1932 г.¹⁷ Старшие коллеги сразу высоко оценили научный потенциал молодого ученого: русские профессора-эмигранты Михаил Михайлович Новиков (1876–1965)¹⁸, Лев Владимирович Черносвитов (1902–1945), Николай Евграфович Осипов (1877–1934), Семен Людвигович Франк (1877–1950) и др. постоянно

*К.И. Гаврилов (слева) и Н.Е. Андреев.
День отъезда из Таллина в Прагу. 1927*

¹² То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева: В 2 т. / Под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллин, 1996. Т. 1. С. 168–169 (далее — Андреев, 1996).

¹³ Там же. С. 206.

¹⁴ Там же. С. 210.

¹⁵ См.: Там же. С. 191.

¹⁶ См.: Андреев Н. К.И. Гаврилов — почетный аргентинский академик // Новое русское слово. 1978. 31 января.

¹⁷ К.И. Гаврилов также занимался несколько семестров и на медицинском факультете университета.

¹⁸ Воспоминания К.И. Гаврилова об учителе см.: М.М. Новиков и его научная деятельность // Русский врач в Чехословакии (Прага). 1936. № 4.

Слева направо: стоят Н.Е. Андреев, К.И. Гаврилов; сидят К.И. Тенукест, Г.Д. Хохлов. Прага. Начало 1930-х

поддерживали его научные устремления и изыскания¹⁹. Уже в студенческие годы Гаврилов увлекся и психоаналитической концепцией Зигмунда Фрейда (1856–1939) и занимался психоанализом с Н.Е. Андреевым и Ф.Н. Досужковым²⁰.

В то же время круг интересов молодого Гаврилова не ограничивался биологическими и психологическими науками. В 1930 г. он был членом редколлегии и постоянным автором литературного альманаха «Новь», редактировавшегося Н.Е. Андреевым²¹. Он очень любил театр и сам выступал в Народном университете в Таллине у С.М. Шиллинга²².

После окончания Карлова университета К.И. Гаврилов преподавал здесь некоторое время зоологию. Уезжая в 1938 г. в Аргентину, он не предполагал, что останется там навсегда. Еще в 1939 г. Гаврилов хлопотал о переезде в США к известному физиологу, профессору Василию Николаевичу Болдыреву (1872–1946), возглавлявшему Рефлексологический институт в Бэтл-Крик (штат Мичиган). Однако сумма денежной гарантии, требуемой иммиграционными властями США, оказалась

столь велика, что молодому зоологу пришлось остаться в Буэнос-Айресе.

Годы Второй мировой войны оказались очень тяжелыми для К.И. Гаврилова и всей его семьи. Вот как он сам описывал их в письме М.М. Новикову:

Начались годы скитаний и беспочвенности. В физиологическом институте проф. Houssay'a²³ не оказалось средств, да к тому же не было большой любви к рус-

¹⁹ См.: Андреев, 1996. Т. 2. С. 62.

²⁰ См.: Там же. С. 60, 62, 63. О Ф.Н. Досужкове см. примеч. 7 к письму 1.

²¹ См.: Там же. С. 308–309. См. публикации К.И. Гаврилова: Д.И. Менделеев: К девяностолетию со дня рождения // Новь. 1929. № 2. Октябрь. С. 2; И.М. Сеченов — И.П. Павлов: Объективное изучение нервной деятельности // Там же. 1920. № 2. Октябрь. С. 4–5; Опыты М.М. Завадовского: Формообразовательная роль маскулизма и феминизма // Там же. 1930. № 3. Октябрь. С. 8.

²² См.: Андреев, 1996. Т. 2. С. 61.

²³ Хусэй (Усэй) Бернардо (1887–1971) — аргентинский физиолог, первый Нобелевский лауреат среди ученых Латинской Америки; в 1947 г. разделил Нобелевскую премию по физиологии (с Карлом Ф. Кори и Герт Т. Кори) за открытие роли гормонов гипофиза в регуляции количества сахара в крови животных.

ским, которых всех причисляли к «красным». В лаборатории профессора Frank Soler, второго физиолога медицинского факультета, царила беднота и интриги, и, при всех усилиях принятый туда *gratis*²⁴, я ничего не мог достать, борясь больше с людьми — ассистентами, чем с проблемами, которые хотел изучить (генитальная иннервация у собаки). Пришел момент, когда почувствовалась необходимость денег, и мне пришлось поступить в коммерческую (фармацевтическую) лабораторию — сперва как химик, и потом как биолог (проблема антивирусов). Опять пришлось бороться с завистью и недоброжелательством, одновременно с разработкой методов приготовления медикаментов Безредки²⁵. В ту же эпоху сблизился со здешними психоаналитиками, которые только что организовывались, и у них нашел признание, дружбу, доброжелательство и тот научный энтузиазм, который так ценю и ищу. Выпросил один день в неделю на службе, чтобы мне позволили ходить в детский госпиталь, где психоаналитики начали свою работу. Участвовал в их исследованиях и многому научился у них²⁶.

В 1944 г. Гаврилову удалось устроиться в фармацевтическую лабораторию «LEA» (Laboratorio Endocrínico Argentino).

Еврей — директор этого учреждения, на которого произвело впечатление мое обещание «увеличить груди всем аргентинским женщинам посредством лизатов»²⁷, не хотел контракта, и мне пришлось начинать опыты в качестве простого служащего. По интуиции или по логике — не знаю, но с первых же шагов опыты пошли удачно, и вскоре я имел разработанными шесть медикаментов: против астмы, против давления крови, против гипертрофии тиреоидной железы, против экземы, против отсутствия молока у рожениц и против *amigilures* (смерзания пальцев). С этого момента начался новый период борьбы. Оказалось, что с моими результатами, которые от меня самого хотели скрывать (мне пришлось проверить их в частном порядке с участием друзей-врачей), делали выгодные аферы и чуть даже не зарегистрировали их на чужое имя в министерстве. Слава Богу — по логике или по интуиции, опять не знаю — я в течение работы регистрировал все мои достижения, никому не говоря, как «интеллектуальную собственность», и этим спас все положение. Разочарование моих шефов было огромное, но я этим выиграл, и им пришлось подчиниться мне²⁸.

Накопив «критическую массу» контактов в местной среде, Гаврилов сумел наладить профессиональную научную карьеру, которая со второй половины 1940-х гг.

²⁴ без содержания (*лат.*).

²⁵ *Безредка* Александр Михайлович (1870–1940) — микробиолог, иммунолог, ученик И.И. Мечникова. Заместитель директора Пастеровского института в Париже.

²⁶ Цит. по: *Ульянкина Т.И.* Жизнь в изгнании. С. 142–143.

²⁷ Препараты, полученные из желез внутренней секреции. Считалось, что они оказывают тонизирующий, омолаживающий и «эротизирующий» эффект на организм. Получили большое распространение в начале 1930-х гг. в СССР благодаря методике доктора И.Н. Казакова. Среди его пациентов были А.В. Луначарский, В.Р. Менжинский, М.М. Литвинов и И.В. Сталин.

²⁸ Цит. по: *Ульянкина Т.И.* Жизнь в изгнании. С. 143.

*К.И. Гаврилов со студентами
на практических работах по биологии.
Тукуман. 1957*

пошла резко вверх. С 1949 г. и до конца жизни он преподавал в Тукуманском университете — крупнейшем университете в северной части Аргентины — и очень скоро стал доцентом, затем профессором университета. Много лет профессор Гаврилов возглавлял здесь Школу естественных наук и кафедру сравнительной анатомии, эмбриологии и физиологии. В 1974 г. он был удостоен золотой медали Тукуманского университета в честь 25-летия непрерывной и плодотворной работы.

Почетный член Академии естествознания при Аргентинской академии наук (1977), профессор Константин Гаврилов был автором более восьмидесяти опубликованных научных работ²⁹, многие из которых, как, например, монография о рефлексологии невротозов, пользовались большим успехом среди коллег и научной общественности Латинской Америки.

В Аргентине К.И. Гаврилов нашел и свое личное счастье. Он был дважды женат на местных жительницах, но его дети носили

только русские имена: сын Игорь родился в 1962 г., дочери Людмила и Лариса — соответственно в 1964 и 1970 гг.

К.И. Гаврилов скончался 25 ноября 1982 г. в Тукумане³⁰, всего через полгода после ухода из жизни его любимого друга Николая Андреева — историка, литературоведа и специалиста по иконам³¹.

²⁹ Библиографию его работ см.: *Revista Brasileira de Zoologia*. 1983. Vol. 2. № 3.

³⁰ Некрологи см.: *Historia Natural (Corrientes)*. 1982. № 2. P. 238; *Acta Zoologica Lilloana*. 1983. № 37. P. 181–182; *Revista de la Asociacion de Ciencias Naturales del Litoral*. 1983. № 14. P. 16; *Revista Brasileira de Zoologia*. 1984. № 2. P. 181–186.

³¹ О нем см.: *Белобровцева И. Н.Е. Андреев: Ревель — Прага — Ревель // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Praha, 1995. С. 653–659; Базанов Н.П. Русский ученый-эмигрант Н.Е. Андреев в Англии // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). М., 2002. С. 158–165; *Szeftel M. Nikolay E. Andreyev as Historian of Russia. 1908–1982. Reminiscences // Записки Русской академической группы в США*. 1983. № 16. С. 357–374.*

Гаврилов и Андреев встретились в 1922 г., когда они учились в гимназии в Таллине, и подружились — навсегда. Гаврилов часто бывал в доме Андреевых и особенно любил Екатерину Александровну Андрееву (1883–1961), мать Николая Ефремовича, которая всегда была в хороших отношениях с молодыми людьми, помогая им советами. В 1927 г. друзья вместе поехали в Прагу продолжать образование.

Николай Андреев окончил философский факультет Карлова университета (1927–1932), изучал славянскую литературу, филологию и историю; был личным стипендиатом президента Чехословакии Томаша Г. Масарика (1850–1937). Участник Кондаковского семинария с ноября 1928 г., он в 1931 г. стал сотрудником, а в 1939–1945 гг. — фактическим директором Археологического института им. Н.П. Кондакова в Праге / Белграде — едва ли не самого значимого и удачного коллективного научного проекта российской эмиграции в первой половине XX в.

Весной 1945 г., перед приходом советских войск в Прагу Андреев принял решение оставаться в городе, чтобы обеспечить сохранность собраний Кондаковского института, и 23 мая 1945 г. был арестован Смершем. До 1947 г. историк находился в заключении под Дрезденом (Германия), а после освобождения поехал в Берлин и сразу начал искать друзей и знакомых. Некоторые из них пропали в конце войны, некоторые стали беженцами и находились в лагерях для перемещенных лиц (ди-пи), ожидая разрешения уехать за границу. Другие уже уехали и устраивали жизнь по-новому. В 1948 г. Н.Е. Андрееву удалось выехать в Великобританию, где он получил место лектора русского языка по кафедре славистики Кембриджского университета на один год³². В этот момент и возобновилась переписка между Константином Гавриловым и Николаем Андреевым. После 1938 г. они уже никогда не встречались и только мечтали об этом.

К.И. Гаврилов с женой Марией-Терезой и сыном Игорем. Буэнос-Айрес. 1962

³² В 1973 г. Н.Е. Андреев получил звание экстраординарного профессора славистики.

К.И. Гаврилов (слева) и В.Ф. Римский-Корсаков. Буэнос-Айрес. 1970-е

Публикуемые письма отправлены в Англию из Аргентины в период с 1948 по 1982 г. Это только часть переписки Н.Е. Андреева и К.И. Гаврилова, не все письма сохранились. К сожалению, пока ничего не известно о том, что случилось с архивом К.И. Гаврилова и с письмами Н.Е. Андреева к нему. Архив Н.Е. Андреева также пока не полностью разобран. Сам К.И. Гаврилов сравнительно часто пишет, что письмо или поздравление не дошло. Но, по-видимому, некоторые письма из тех, что дошли, тоже пропали. Ясно, что друзья переписывались не совсем регулярно, хотя продолжали думать друг о друге. Частично это происходило по вполне понятным причинам, поскольку они были очень заняты: материальное положение обоих оставляло желать лучшего, оба поздно женились, поздно появились дети, так что времени на переписку оставалось мало.

То, что первое письмо К.И. Гаврилова (от 8 сентября 1948 г.) сохранилось у Н.Е. Андреева, показывает, как много оно значило для него. В это время Андреев еще не знал, как долго он останется в Кембриджском университете, жил на квар-

тире у хозяйки, где снимал комнату, и при этом он не владел английским языком. Ему было так трудно, что он даже хотел уехать из Англии. В этот период у Андреева не было места для личной библиотеки, и он часто дарил прочитанные книги другим людям. Только после брака в 1954 г. с Джилл Хаддлстон Андреев стал собирать книги и держать бумаги. И несмотря на все указанные трудности, письмо Гаврилова сохранилось, ибо было важной связью с бывшей жизнью и с человеком, которого он очень ценил и которому полностью доверял.

Публикуемые письма освещают не только личные отношения между К.И. Гавриловым и Н.Е. Андреевым и обстоятельства их жизни, но также ярко характеризуют саму эпоху, в которой им довелось жить, и некоторые обстоятельства и проблемы, с которыми сталкивались русские эмигранты после Второй мировой войны. Важно отметить и то, что, несмотря на международное признание научных заслуг профессора К.И. Гаврилова, — а это всегда было проблематично для русских ученых-эмигрантов, оторванных от русской научной жизни, — ему были очень дороги отношения со школьным товарищем, которому он был верен до самой смерти.

Оригиналы публикуемых писем К.И. Гаврилова Н.Е. Андрееву (автографы) хранятся в личном архиве дочери Николая Ефремовича — Екатерины Николаевны Андреевой (Оксфорд, Великобритания). Письма публикуются с сохранением лексических и стилистических особенностей, нередко связанных с отсутствием регулярной практики употребления русского языка в эмиграции. Публикация полного корпуса писем К.И. Гаврилова планируется в скором времени в составе сборника статей «Российское научное зарубежье: новые имена и архивы»³³.

1

Тукуман¹, 8 сентября 1948 г.

Дорогой мой Кока²,

сегодня (только что) получил твою третью открытку и спешу ответить, ибо, если отложу опять, вероятно, снова будет длительная задержка с этим ответом. Скажу искренне: я счастлив, что ты выбрался в Англию³ и что опять можешь работать. В этом отношении жизнь нам сделала большой подарок. Был рад узнать, что ты хочешь жениться⁴. Очень советую.

Не знаю, что писать. Столько хочется сказать и так не хочется писать. Ты меня знаешь: не очень я хороший переписчик. До сих пор не писал тебе из-за чрезвычайного количества работы. Был в отъезде — делал большую экскурсию для коллекционирования червей, а когда вернулся, накопилось столько всяких дел (инвентарь лаборатории, опыты, статьи, подготовка к курсу, практические занятия и т. д. и

³³ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда (10-03-93609к/К).

т. п.), что все откладывал письма — не только тебе, но и Ирине, бывш<ей> Вергун⁵, Паниной⁶, Досужкову⁷, Ировцу⁸ и многим, многим другим. А кроме того, семейная жизнь тоже занимает много времени — главные вечера. Сейчас Рут⁹ уехала в Буэнос-Айрес, к своей маме, и я более свободен. Впрочем, через три дня, в воскресенье 12-го, еду туда тоже на очень короткий срок. Семейная жизнь моя идет очень хорошо. Не значит это, что нет трудностей, проблем, конфликтов, ссор и непонимания. Но в целом мы счастливы и любим друг друга. Рут очаровательна, притягивает людей, как свет — бабочек, веселая, подвижная, самостоятельная, властолюбивая, непокорная, общительная. Вокруг нее огромное общество, которое мне иногда мешает. Но я понимаю его необходимость в этом маленьком городке, который для одного очень скучен и монотонен. А Рут «одинок», ибо я работаю с утра до 9 часов вечера и домой возвращаюсь только на обед. Окружающие считают меня очень хорошим и либеральным, спокойным мужем. Рут иногда впадает в «революционные» настроения, которые, впрочем, всегда кончаются поцелуями и объяснениями в любви. Она хорошая, но трудная — вся стихия, движение, скачки, которые трудно предвидеть. Легче было бы, если бы я был более податлив и принял бы подчиненное положение. Но у меня это не выходит, а она тоже не из таких, кто подчиняется. Приходится быть очень психологом. Но в общем все это удастся, и я считаю себя искренне счастливым. Это чувствую особенно сейчас, когда отъезд Рут подчеркивает все ее исключительное значение для меня, всю ее прелесть, всю жизнь, которую она вливает в меня, в весь мир, что ее окружает. Эта маленькая, хорошенькая дама, которая прекрасно поет, исключительно хорошо танцует, умна (ибо все схватывает легко и быстро), знающая держаться перед людьми [sic], быстрая и свободная в движениях, дословно покорила весь Тукуман [sic]. Весь город ее любит и вместе с ней — меня. Но она непостоянна, быстро утомляется монотонностью, быстро утомляется от повторения, ничто не может продолжать долго, начинает ряд вещей и бросает — и это меня пугает и заставляет особенно бережно относиться к ней. Скоро уже год мы живем вместе, как муж и жена. Кажется, до сих пор она этим не утомилась. Здоровье ее неважное. Хуже всего, что сейчас ей нельзя иметь детей. Это было бы для нее психологически большой базой [sic]. Она очень артистична, но здоровье даже мешает ей как должно заняться танцами, которые она очень любит.

Пишу много о ней, потому что много о ней думаю и хочется разделить с тобой эти чувства.

В остальном я тоже доволен. В университете читаю лекции по зоологии (кафедра общей и специальной зоологии для агрикультуров). Делаю опыты. Еще немного сделал работ, но в будущем надеюсь, что это пойдет в стиле бедного дяди Левы¹⁰: сериями.

Дома — в Буэнос-Айресе — все хорошо. Старики еще бодры и сильны¹¹. Обе сестры¹² замужем и имеют по дочке. Алек¹³ — еще «soltero» (холостяк) — в будущий понедельник открывает вторую свою выставку картин. Этот раз — пейзажи и фигуры. Он очень хорошо рисует (особенно женские фигуры) и имеет большой успех как профессор в академии «Питман»¹⁴ — очень большой и известной в Буэнос-Айресе. Я еду в Буэнос-Айрес как раз к открытию этой выставки, где появлюсь неожиданно как для семьи, так и для Рут.

Вот пока и все обо мне. Если пишу редко, не сердись. Такова глупая моя натура. Не значит, что не думаю о тебе и обо всех вас.

Написали мне Сережа Левицкий¹⁵, Ириночка Завойко (бывш<ая> Вергун) и Панина.

Сделаю несколько выдержек.

Из письма Ирины: «Я очень обрадовалась, что наконец обнаружился его (т. е. твой) адрес и что можно начать ему конкретно помогать».

О браке: «Это, пожалуй, стержень всей жизни».

«Застрелился или был застрелен Сережа Бевад»¹⁶.

«...через пару недель ожидаю прибавления семейства»¹⁷.

«По службе мужа связаны мы с “диким западом” — Техасом».

«Моя последняя “эпоха” самая счастливая».

«Ксения¹⁸ работает в Нью-Йорке, а родители с мальчиками — Мишей и Алешей — на ферме Толстой¹⁹».

Когда придет Ксения — «...тогда вместе состряпаем посылку Николаю <Андрееву>».

«Что с Острогорскими?»²⁰

«Сегодня же (29 июня <19>48) пишу длинное письмо Николе <Андрееву>. В Праге я была еще в апреле 1945 года и “язык сломала”, убеждая Николу драпать — он не хотел оставить Институт²¹ и бросать книги на произвол судьбы... жаль мне ужасно мать Николы²² — какая очаровательная женщина».

Из письма Паниной

«...его (твоей) судьбой очень озабочен Ник<олай> Петр<ович> Толль²³».

«Получив Ваше письмо, я тотчас же написала Толлю и Ирине <Вергун>. Последняя немедленно же отправила Ник<олаю> Ефр<емовичу> продуктовую посылку и будет их отправлять систематически, а Толль сообщил мне след<ующие> последние новости: он получил из Англии письмо от Виктора Франка²⁴, кот<орый> сообщает, что ему удалось устроить приглашение Андреева в Cambridge лектором русского языка. Это чрезвычайно неожиданно, ибо в Англию очень трудно проникнуть, особенно русским. Если это приглашение дойдет до Андреева раньше Вашего, то пускай он за него хватается, а главное, выберется как можно скорее из Европы вообще и из Берлина в частности». «Но, несмотря на эти утешительные вести от Франка, я бы на Вашем месте продолжала хлопотать о вывозе его (тебя) в Аргентину»... «за Англию нужно, конечно, ухватиться, если Ваше приглашение задержится, но оттуда все же следовало бы перекочевывать к Вам. Ну, решать будет, конечно, сам Андреев, я только высказываю свои соображения. Как это ни странно, но труднее всего выбраться сюда, в США». Пишет, что в С<оединенные> Ш<таты> приехала Шуня, бывш<ая> Сергеева²⁵, и многие другие.

Из письма Левицкого (многое не понимаю из-за почерка):

«Коку страшно жалко. Ему нельзя было оставаться».

Остальное — ты, вероятно, слышал от него самого.

Теперь адреса:

Irina Zavoiko
1403 City National Bank Building
Houston, Texas. USA.

Countess S. Panina
548 Orange Str. New Haven 11, Conn. USA
или летом она часто бывает на ферме Толстовского Фонда:
Reed Farm, Valley Cottage, N. Y. USA.

Dr. N.P. Toll
34 Batter Terrace, New Haven, Conn. USA.

Мне остается перечитать твои письма и ответить на некоторые пункты:

1) Рад (еще раз повторяю), что ты устроился в Англии. Это, конечно, лучше Тукумана — шире и больше возможностей. В Тукумане ты бы скучал страшно, и надо было бы многое ломать, чтобы освоиться. Жалею, что ты не со мной, но для тебя лучше Англия, где твое будущее, конечно, имеет больше перспектив. Здешний университет маленький, еще строится. Люди внешне отзывчивы, но часто в них нет того духа, к которому ты привык. Мне обещали тебя принять, но, конечно, нужно было еще много долбить, чтобы это стало реальностью.

2) Что касается твоей работы, которую ты хочешь напечатать здесь, то пока ничего еще не могу сказать. Сейчас были большие перемены в организации факультетов, и пока все это еще не утряслось, я предложение не сделал. Во всяком случае, за работу они, кажется, не платят.

3) Относительно семейства Видякиных²⁶ отсюда мне хлопотать очень трудно. Когда буду в Буэнос-Айресе, изучу почву и тебе сообщу, что можно сделать. С буэнос-айресовским батюшкой²⁷, который, кажется, стоит во главе общества, упомянутого тобой, большинство русских не в ладу, кажется, моя семья тоже. Когда буду в Буэнос-Айресе, узнаю.

То же скажу о Dr. Mentschel²⁸.

4) Рите²⁹ помогу, если будет в силах.

5) Все время хочу помочь тебе и Левицкому деньгами или посылками, но пока это удастся плохо. Еще висит на мне большой долг (моя свадьба), а с жалованья вычитывают очень много на всякие взносы и страховки. Жизнь дорога. Не хочу ограничивать Рут. Она не понимает мою необходимость помочь друзьям и вряд ли смогла бы ограничить себя. Я и не требую. В будущем месяце с меня вычитывают для «jubilacion»³⁰ (на случай старости и болезней) около 1100 пезо, так что будет еще труднее. Но как только я справлюсь, вероятно, смогу что-либо сделать — тебе, Вере Пилкиной³¹, Сереже, Рите.

Посылки мои (их было 3), вероятно, пропали. Не жалею. Кто-нибудь их съел. Узнаю, можно ли посылать в Англию (это через одно швейцарское общество), и тогда что-либо пришлю тебе. Если будет добавочный приход, то, может быть,

удастся прислать немного денег, хотя это трудно, ибо запрещено и связано с большими хлопотами.

б) Безумно жалко Ирочку <Завойко>. Бедная, бедная. Если будешь ей писать, то от всего моего сердца перешли ей мой большой привет и крепкое пожатие руки.

То же Сереже.

Вот и все, Кока. Много и разбросан<н>о. Писал от души. Не думай, что эта душа стала сухой. Но мне будет очень и очень грустно, если ты останешься недоволен от моего письма и если я не сумел написать так, как надо. Ведь были мы с тобой и сейчас, на расстоянии, остаемся очень большими друзьями. Всегда ценил и теперь особенно ценю тебя. Но мне стыдно, что тебе трудно. Всегда думаю о твоей маме. Знаешь ли ты о ней что-либо?

Привет всем — прежде всего Виктору <Франку> и Кайгородовым³², как самым близким по расстоянию.

Не ленись и пиши, несмотря на мое молчание.

Вероятно, Рут послала бы тебе свой привет, если бы была здесь. Думаю, что имею право послать его заочно. Чтобы ты имел представление о ней, прилагаю две фотографии, которые имею свободными. Лицо не видно хорошо, но общее очертание схвачено. Если тебя интересует, каков муж, прилагаю на всякий пожарный случай также и мою фотографию.

Крепко тебя обнимаю и целую и всегда помню.

Твой К. Г.

¹ Тукуман — город на северо-западе Аргентины, центр одноименной провинции, где располагался университет, основанный в 1914 г.

² Здесь и далее Кока, Кокище — прозвища Н.Е. Андреева. Первое — семейное, второе — придумано К.И. Гавриловым.

³ Кембриджский университет пригласил Н.Е. Андреева на год как лектора Славянского отдела. Он уехал из Германии 1 августа 1948 г.

⁴ Неизвестно, кем интересовался Н.Е. Андреев в это время.

⁵ *Вергун* Ирина Дмитриевна (1913–2000) — младшая дочь историка и филолога-слависта Дмитрия Николаевича Вергуна (1871–1951). Замужем за Василием Васильевичем Завойко (1899–1975). Н.Е. Андреев ухаживал за ней в Праге, а К.И. Гаврилов хорошо знал эту семью. Подробнее см.: Андреев, 1996. Т. 1. С. 316, 318, 319 и др.

⁶ *Панина* Софья Владимировна, графиня (1871–1956) — известная благотворительница, член ЦК конституционно-демократической партии. С 1921 г. жила в эмиграции в Праге. Основательница «Русского очага». В 1939 г. переехала в США, жила в Нью-Хейвене.

⁷ *Досужков* Федор Николаевич (1899–1982) — психоневролог, психоаналитик, один из основоположников и популяризаторов психоанализа в Чехословакии, куда приехал в 1921 г. Окончил медицинский факультет Карлова университета в Праге. Ученик и сподвижник Н.Е. Осипова. В 1934 г. открыл собственную клинику, практиковал как невролог и психоаналитик; находился в контакте с З. Фрейдом. В 1946 г. воссоздал в Праге Общество изучения психоанализа, однако после прихода к власти в 1948 г. коммунистов прекратил открытую психоаналитическую практику, которую возобновил на короткое время в период «пражской весны» 1968 г. О нем см.: *Михлова* С. Николай Осипов и Федор Досужков. *Врачевать душу // Дом в изгнании: Очерки о русской эмиграции в Чехословакии*. Прага, 2008. С. 127–132; *Фишер* Е. Федор Досужков // *Ежегодник истории и теории психоанализа*.

Ижевск, 2009. Т. 3. С. 139–145. В 1972 г. в переводе К.И. Гаврилова в Аргентине была издана одна из статей Ф.Н. Досужкова (*Revista Argentina de Clinica Psicológica*. 1972. № 3. P. 37–50).

⁸ *Ировец* (Jírovec) Отто (1907–1972) — чешский профессор паразитологии и протозоологии. Вместе с К.И. Гавриловым учился в пражском Карловом университете, где затем преподавал в течение многих лет. В 1949–1952 гг. возглавлял департамент зоологии, позднее — Институт зоологии. В 1954–1961 гг. директор Лаборатории паразитологии Чехословацкой академии наук.

⁹ Подруга К.И. Гаврилова.

¹⁰ *Черносвитов* Лев Владимирович (1902—1945) — зоолог-гельминтолог. С 1921 г. жил в эмиграции в Чехословакии. Окончил естественный факультет пражского Карлова университета, доктор естественных наук (1926/27). Ученик М.М. Новикова. Участник Пражского зоологического семинара, специализировался на изучении малощетинок червей. В 1931 г. переехал в Аргентину, в 1933 г. вернулся в Прагу, затем жил в Великобритании (Лондон). Сотрудничал в Британском музее естественной истории.

¹¹ Отец и мать К.И. Гаврилова. О них см. подробнее в предисл. к наст. публ.

¹² Сестры К.И. Гаврилова Вера и Нина жили с семьями в Буэнос-Айресе. Вера была замужем за участником Белого движения гардемаринном Александром Ивановичем Алексеевым. Нина — за аргентинцем Альберто Далто.

¹³ Здесь и далее Алек — родной брат К.И. Гаврилова.

¹⁴ Академия «Питман» существует с 1919 г. для подготовки специалистов в различных областях коммерческой и административной деятельности.

¹⁵ Здесь и далее Сережа — *Левицкий* Сергей Александрович (1908–1983) — философ. Вместе с Н.Е. Андреевым и К.И. Гавриловым учился в русской гимназии в Таллине (Эстония), с 1928 г. жил в Чехословакии. Ученик и последователь Н.О. Лосского. Доктор философии (1941), дисс. «Свобода как условие возможности объективного познания». После Второй мировой войны находился в лагере ди-пи под Касселем (Германия). В 1949 г. уехал в США. Профессор Джорджтаунского университета в Вашингтоне.

¹⁶ *Бевад* Сергей Иванович (1918–1944) окончил русскую гимназию в Праге. Член Национально-трудового союза (НТС). Во время Второй мировой войны находился на службе в казачьих частях германской армии.

¹⁷ В семье И.Д. и В.В. Завойко было двое сыновей — Василий (р. 1948) и Георгий (р. 1952), а также дочь Вера (р. 1951).

¹⁸ В семье Дмитрия Николаевича и Веры Николаевны (урожд. Новосильцева; 1875–1962) Вергун было четверо дочерей. Ксения (в замуж. Сапарова; р. 1909) была медсестрой, жила в США; Татьяна (р. 1904) — в Аргентине; Анастасия (в зам. Киселева; 1905–2000) — также в США.

¹⁹ Миша, Алеша — дети Кирилла Дмитриевича Вергуна (1907–1944), инженера, члена исполкома НТС, который был убит во время бомбежки Пльзень (Чехословакия). Его жена умерла вскоре после этого. Упомянутая ферма располагалась в Вэлли-Коттедж (штат Нью-Йорк) и принадлежала дочери писателя Л.Н. Толстого Александре Львовне Толстой (1884–1979), основательнице Толстовского фонда помощи русским беженцам. С 1940 г. ферма функционировала в основном как дом для престарелых и детский лагерь, но с 1947 г. стала местом приюта первых ди-пи из Европы. Только за семь лет (1947–1954) через нее прошло более 3,5 тыс. человек. Директорами толстовской фермы в эти годы были Ксения Андреевна Родзянко и Марта Андреевна Кнутсен.

²⁰ *Острогорский* Георгий Александрович (1902–1976) — историк-византист, сотрудничал с Археологическим институтом им. Н.П. Кондакова (Кондаковским институтом) в Праге. До 1933 г. жил в Германии, затем профессор Белградского университета (Югославия). В 1938 г. возглавил Кондаковский институт в Белграде, основатель (1948) и директор Института византиноведения Сербской академии наук и искусств. Скончался в

Белграде. Здесь же жила его сестра Анна (в зам. Шайкович; 1904–1988). Сын Острогорского Александр стал физиком.

²¹ Речь идет о библиотеке Кондаковского института в Белграде.

²² *Андреева* Екатерина Александровна (урожд. Квашениникова; 1883–1961) — мать Н.Е. Андреева.

²³ *Толль* Николай Петрович (1894–1985) — археолог, в 1932–1938 гг. директор Кондаковского института в Праге, с 1939 г. жил в США, сотрудничал с Йельским университетом. Его жена — Нина Владимировна (1898–1986) — психиатр, сестра историка Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973), одного из основателей Кондаковского семинария в Праге и преподавателя Йельского университета.

²⁴ *Франк* Виктор Семенович (1909–1972) — журналист, сын философа Семена Людвиговича Франка (1877–1950). Жил в Великобритании. Н.Е. Андреев написал о нем очерк «Блуждающая судьба» (см.: Памяти Виктора Франка / Ред. Л.В. Шапиро. Лондон, 1974).

²⁵ *Сергеева* Александра Митрофановна — член молодежной организации «Витязей» в Праге, дочь Марии Ивановны (урожд. Компанейская; 1883–1964) и полковника Митрофана Николаевича (1883–1964) Сергеевых. Ее брат — Николай Митрофанович Сергеев (1909–1944) — медик, глава Берлинской группы НТС, был арестован и погиб в немецком концлагере.

²⁶ Возможно, речь идет о семье полковника В.К. Видякина, жившей в Эстонии.

²⁷ По-видимому, речь идет об отце Константине (Изразцов; 1865–1953), основателе Общества взаимопомощи русских эмигрантов, многолетнем настоятеле Свято-Троицкого храма в Буэнос-Айресе. С началом Второй мировой войны призвал поддержать Германию в борьбе со сталинским СССР. Отец К.И. Гаврилова Иван Александрович был активным прихожанином другого русского православного собора в Буэнос-Айресе — Благовещенского (Московский патриархат).

²⁸ Лицо не установлено.

²⁹ Здесь и далее Рита — Маргарита *Мейендорф* (урожд. Улк; 1907–1979) — актриса и поэтесса, была первой серьезной любовью Н.Е. Андреева. Замужем за бароном Георгием Богдановичем Мейендорфом (1894–1982). До Второй мировой войны жили в Эстонии. Их дочь — известная в будущем актриса Маргарита Мейендорф — родилась в лагере ди-пи в Германии. Впоследствии жили в Найке, недалеко от Нью-Йорка (США).

³⁰ пенсия (*исп.*).

³¹ *Пилкина* Вера Владимировна (ум. 1993) — дочь адмирала В.К. Пилкина (см. примеч. 1 к письму 3). Жила с отцом, матерью Марией Константиновной (урожд. Леман; ум. 1931) и сестрой Марией в Ницце (Франция).

³² *Кайгородовы* — Анатолий Дмитриевич (1878–1945) — художник, ученик А.И. Куинджи, и его жена Маргарита Карловна (1891–1984). Жили в Эстонии с 1920 г. Помогли Н.Е. Андрееву уехать в Прагу в 1927 г. Их дочь Ирина (1911–1984) училась в таллинской женской гимназии; поэтесса, печаталась в альманахе «Новь». Замужем за англиканским священником Джоном Файндлоу (1915–1970), представителем архиепископа Кентерберийского при Ватикане в Риме (1962). См. о нем: Irina Findlow Journey into Unity (L., 1975); *Андреев Н.Е.* Каноник John Findlow // Русская мысль (Париж). 1970. 18 июня. Их дочь Нина Анатольевна Штильмарк (1912–2004) скончалась в Лондоне.

Тукуман, 25 мая 1952 г.

Дорогой мой Кока,

целую вечность не писал тебе и такую же вечность не имел вестей от тебя. Вероятно, ты очень сердисься на меня. Оправдаться трудно. Только не думай, что тебя забыл и что не думаю о тебе часто и с искренним дружеским чувством. Время летит так быстро, и всяческие дела — за последнее время, мелкие, мешающие, нервирующие и неприятные — заполняют все дни. Откладываешь на завтра все самое главное, где хочешь чувствовать себя личностью и где ждешь удовлетворения в более глубоком и существенном плане. Это самое главное: работа в вопросах наиболее интересующих, устройство личной жизни, письма самым близким друзьям — тебе, Рите, Алеку, маме и другим. Мешают обстоятельства, как я сказал, мелкие и преходящие, но, к сожалению, затяжные. Прежде всего, еще до сих пор не кончился мой развод, хотя первую инстанцию я выиграл, и теперь противники апеллируют. Стараются затянуть дело, ибо это дает возможность в качестве «временных алиментов» (по глупейшему здешнему закону) вытягивать из меня тысячи. Мое жалованье из-за всех этих вычетов уже уменьшилось на $\frac{1}{2}$, и этого не хватает на жизнь. Все усилия ускорить дело, освободить мои деньги, жить собственную жизнь, без зависимости от той «проститутки», которая была моей «спутницей», разбиваются об стену подкупов, жульничества, незаконной протекции и прочих подлостей. Но надо иметь терпение: в конце концов, выигрываю я, и через известный срок все эти неприятности будут превращены в «юмористические воспоминания».

Вторая область мелочей — наш университет, где после ухода Descole¹ с должности ректора начались политические и личные раздоры, неразбериха, беспорядок невероятный, произвол полный, постоянные перемены в программах, методах, организации, полный упадок значения профессора и зависимость от организаций, где фигурируют люди, ничего общего не имеющие с научными и преподавательскими целями. Все это тоже временно, ибо наш президент — Перон² — старается бороться с этой неразберихой, но пока это дает себя чувствовать. На мне лично это не отражается пока, но многие друзья разбежались уже по разным другим университетам, и это ослабляет наши научные кадры. Слава Богу, что ни ты, ни Сережа, ни Алек не попали сюда. Было бы очень трудно. Все ждем, когда это кончится и опять придет время творческое и созидательное, которое помним с эпохи Descole и которое опять нам даст энтузиазм и уверенность. Несмотря на все это, продолжаем нашу научную и преподавательскую работу по мере сил и возможности, и кое-что получается. Оптимизма ни я, ни другие не теряем, хотя материальное положение профессора сейчас аховое (жизнь вздорожала в 10 раз без преувеличения, а жалованье не повышают — остается на уровне 1948 года). Продолжаю ту же работу, как раньше. Уже напечатал несколько работ о червях *Oligochaeta*³. Кроме того, несколько статей рефлексологически-психоаналитических⁴. Сейчас издаю мою вторую книгу о рефлексологии и психоанализе (уже под-

писал контракт с одним большим издательством в Буэнос-Айресе)⁵. Моя первая книга⁶ имела большой успех среди медиков, и ее часто цитируют. Это все дает удовлетворение и радость.

Пишу все о себе. Но начал письмо с желанием говорить о тебе и поздравить тебя от всего сердца с магистерским званием⁷ и с теми успехами, которые ты заслуженно достигаешь. Все в восторге от твоей фотографии в тоге магистра. Показывал ее дома, в Буэнос-Айресе. Володя⁸ и его жена Нина тоже ее видели. Прислали поздравить тебя и передать тебе их лучшие пожелания, привет и дружеское пожатие руки. Мои тоже присоединяются к этому. Надеюсь, что ты продолжаешь так же хорошо твою работу, как раньше, и что в твоей личной жизни тоже много света и счастья. Ты так заслуживаешь это последнее. Если иногда трудно, не надо унывать. В жизни столько красоты и хорошего, что моменты уныния и тоски — вполне оправданные в известные минуты — не должны пугать. В памяти остается только хорошее; плохое исчезает, бессильное воспроизвестись. А хорошее сохраняется как произведение искусства, как нечто творческое, созидательное, большое, даже если реально оно уже исчезло. Так живу я, и мне легко. Ловлю каждую минуту, наслаждаюсь каждой встречей. Самое гнетущее для меня — монотонность и однообразие, но и с ними мирюсь, ибо они временны. Философия, ставшая жизнеощущением.

Всегда вспоминаю тебя, Кока. У меня ты, Алек, Рита и, может быть, Ракель — самые близкие и дорогие друзья, которых люблю от всего сердца и которых считаю самым большим в этой жизни. Говорю о Ракель «может быть», т. к. есть обстоятельства, которые нас разъединяют, мешают. Кроме того, люблю ее как женщину и не только как друга. С ней вижусь, когда бываю в Буэнос-Айресе. Увидим, что хочет от нас жизнь, как она нас направит.

Алек уезжает в Парагвай, в Асунсион, искать счастья и новых мотивов для своего творчества. Потом, кажется, хочет перебраться в Кубу. Это интересное путешествие. Хорошо, что он его осуществляет. Буэнос-Айрес для творческих людей стал «кислым».

Ну, кончаю. Жду твоих писем и, если есть возможность, твоих трудов (тех, которые ты сочтешь интересными для меня). Не забывай и не будь мстительным — т. е. пиши, даже не получая ответа. Тебе это дается легче. Крепко жму руку. Когда будешь писать Екатерине Александровне, привет от меня. Как она? Надеюсь, что сведения о ней все хорошие.

Твой *Костя*

Адрес мой пока тот же, что и раньше: Chacabuco 42.

Пиши теперь вместо «Tucumán» — «San Miguel de Tucumán». Переменили наименование нашего города.

¹ *Десколе* (Descole) Горацио (1910–1984) — ботаник, фармацевт, ректор Тукуманского университета (1948–1951). Под его руководством в университете были проведены глубокие преобразования научной и образовательной деятельности. После революционных событий в 1955 г. подал в отставку и переехал в Буэнос-Айрес. В 1973 г. вернулся в

Тукуманский университет, директор Института Лилло. В конце 1976 г. вновь отстранен от директорства правительством военных.

² *Перон* (Perón) Хуан Доминго (1895–1974) — президент Аргентины (1946–1955, 1973–1974).

³ Sobre la reproducción uni y biparental de los Oligoquetos // Acta Zoológica Lilloana. 1948. № 5. P. 221–311.

⁴ Reflexologické poznámky k psychoanalytické theorii o snech // Psychoanalytická Rocenka. Praga, 1950; La reflexología y la medicina psicósomática // Psicósomática. 1951. № 2. P. 10–16; Las enfermedades psicógenas a la luz de los estudios reflexológicos // Revue Latino-Americana de Psiquiatria. 1952. № 1. P. 18–24.

⁵ El psicoanálisis a la luz de la reflexología: (Enfoques biológicos de la psicología profunda). Buenos Aires, 1953.

⁶ El problema de las neurosis en el dominio de la reflexología. Buenos Aires, 1944.

⁷ Кембриджский университет присвоил Н.Е. Андрееву почетную степень магистра (МА) в знак того, что он там преподавал. В этот период Кембридж не признавал степени других университетов.

⁸ *Римский-Корсаков* Владимир Федорович (1907 — не ранее 1984) — соученик Н.Е. Андреева и К.И. Гаврилова по таллинской гимназии. В октябре 1907 г. официально усыновлен Федором Воиновичем Римским-Корсаковым (1863–1923) (контр-адмирал с 1913, зав. отделением плавучих и подъемных средств судостроительного завода в Ревеле, после 1917 г. возглавлял Союз взаимопомощи моряков в Эстонии) и его супругой Марией Павловной (урожд. Колинковской). В октябре 1908 г. указом императора Николая II присвоена фамилия Римский-Корсаков и дано разрешение пользоваться правами потомственного дворянства. В эмиграции жил в Аргентине, работал в газовой промышленности. После выхода на пенсию принял сан священника. Протоиерей, настоятель Благовещенского собора в Буэнос-Айресе. Его супруга — Нина Рудольфовна (ум. 1978). Генеалогия Римских-Корсаковых см.: Дворянский календарь. СПб., 2000. Тетр. 8.

3

Тукуман, 20 октября 1953 г.

Дорогой мой Кока,

ты прав: абсолютно непростительно наше молчание. Но, понимая эту «непростительность», что-то толкает меня просить именно прощение и в первую очередь изложить доводы, которые могли бы меня оправдать. В общем они сводятся к тому, что ты сам подчеркиваешь. Занятость, работа, которая берет весь день и все силы, и вечерняя усталость, которая вот уже в течение трех недель по получении твоего письма (которому был бесконечно рад) обуславливает совершенно нелегальное мое поведение [sic]: постоянное откладывание на завтра того, что должен сделать сегодня. Подчиняюсь даже формуле, очень ходкой в нашей стране, а именно: что возможно, сделать послезавтра. Но решительно хочу тебя уверить, что о тебе думаю много и часто и что все эти годы, что нас отделяют и что направили наши жизни по различным путям, ничего не значат. Ты по-прежнему мой самый большой друг в этой жизни, которого искренне люблю и ценю. Меня интересует и беспокоит твоя судьба. Я рад, что работа тебя удовлетворяет (это

ведь самое главное), что ты встретился со старыми друзьями, много ездил и сохраняешь твой всегдашний оптимизм, без которого трудно тебя вообразить. Не задумывайся над личной жизнью. Цени момент, когда он красив и дает ощущение счастья. А большое и главное (как ты пишешь) придет само, в момент неожиданный, не тобой, а всем ходом жизни создаваемый, и не ты, а оно будет менять твоё теперешнее положение. Ты сам удивишься, как это происходит. Не задумывайся о непрочности и неясности будущей судьбы. Это — общее. Только в идее существует прочность. Мы здесь, в стране благополучия, со всеми правами граждан, в том же положении, что и ты. Вопрос о продлении наших контрактов (каждые 3 года) ставился под сомнение — из-за экономии. Многие волновались. Я — нет. Даже об этом не думал. Контракты продлили, и вот будем работать еще. А что будет потом — увидим. Но это не значит, что когда придет «большое и главное», нужно его отвергнуть из-за этой непрочности. Я уверен, что в твоей жизни будет много хороших, прекрасных страниц еще; что ты мне напишешь о своем счастье и что все наши мечты — правда, в других красках, в других масштабах и в других формах — найдут свое осуществление в жизни. Не думай, что это только философия. Как сказал бы мой дорогой дядя Воля¹, отец Верочки: это опыт жизни.

Ты спрашиваешь меня о личной жизни. Может быть, именно желание подробно написать тебе о ней, обо всем, что заполняет ее (а это много), и составляло главное затруднение сесть за письмо, ибо пугает писать много (а к тому же я очень плохой писак писем). Только недавно кончил судебные дела — всего два месяца назад. Вытащили огромные деньги. В сущности, все эти годы я работал даром: все отдавал неизвестно кому. Экс-супружница (которую я искренне презираю) отдала меня на растерзание адвокатам, и эти постарались. Теперь, конечно, все официальное (я полностью разведен по вине жены), но остаются «хвосты», и для их ликвидации нужно еще ждать порядочно. Но это уже привычное. Оно не позволяет пока думать о том, что ты называешь «прочным», ибо все окружение всегда думает именно об этом, и объекты даже самые очаровательные ставят это «прочное» на первое место. Но иногда «непрочное», мимолетное, бывает красиво, и когда я его имею, стараюсь ценить и любить, забывая об этикете. Жаль, что все это «непрочное» имеет свою психологию специфическую — тоже связанную с деньгами (впрочем, здесь трудно найти «прочное» или «непрочное», абсолютно чуждое этой проблеме). Впрочем, привычка берет верх, и умение найти красивое в том, что его содержит в той или иной мере, дает свой результат совершенно удовлетворительный.

Но все это абстрактно. Конкретно дела обстоят так: Ракель (о которой я тебе писал) я, по-видимому, потерял. Опять влезла Рут, экс-жена, наговорила в ее семье всякую чушь на меня, и борьба против меня, и без того обостренная всегда, приняла решительные формы, нас отделила совершенно и заменила меня каким-то женихом, о котором Ракель говорила довольно тоскливым голосом. Я повернулся и ушел; и остался с прекрасным портретом Ракель (в карандаше), сделанным Алеком и висящим в моей комнате над ночным столиком у кровати. Есть женщина, которая меня любит и хотела быть моей женой, но хотя я и имел ее, и ценю ее, телесно и по культуре она не то, что мне нужно. Есть еще два объекта, к

которым у меня большая нежность. Но им чуть больше 20 лет. Я не чувствую себя старым и не считаю нужным портить настоящее мыслью о возможных неурядицах в старости, но сегодня я остаюсь в стороне, не приближаюсь и жду, когда все «хвосты» моих судебных дел будут отрезаны. Пока же я живу «авентурой»², хотя иногда и скучаю от этого и нуждаюсь в чем-то большем.

Академические дела идут хорошо. «Хорошо», если не считаться с постоянной борьбой против бесчисленных затруднений, которые нам, профессорам, ставят бюрократические инстанции, от коих мы зависим. Теряется много времени от этих бессмыслиц, и, конечно, это не дает возможности развернуться во всей потенции и в полном объеме. Но работаем, и своей работой я тоже наслаждаюсь и ею доволен. Занимаюсь червями, продолжая линию дяди Лёвы <Черносвитова>, а кроме того, психологическими и зоопсихологическими проблемами. Даже в этих последних областях достиг большего, чем в первой. Здесь меня считают в некотором смысле авторитетом (против моего ожидания) и в Буэнос-Айресе тоже. В медицинских кругах меня ценят за мои книги по рефлексологии. Недавно послал тебе мою последнюю книгу «Психоанализ в свете рефлексологии»³, которая, кажется, имеет успех. Во всяком случае, была очень положительная рецензия о ней в одной из больших газет Буэнос-Айреса, и специалисты тоже отзывались об этой работе «с уважением». Я ее написал после «семейного инцидента», когда встретился с одной очаровательной женщиной, в сущности спасшей меня от прострации и влившей в меня новую струю жизни. Писал по ночам, легко, быстро. Это плод долгого думания, начатого еще в Праге и под большим твоим влиянием — ибо изучать Павлова и Фрейда я начал по твоему совету⁴.

В моей лаборатории я чувствую себя очень хорошо. Она уютна. В ней строится (правда, уже два года без особого результата, т. е. черепашным шагом, из-за всех уже упомянутых формальностей) «камера» типа Павлова для изучения условных рефлексов⁵. Пока я занят кошками (их у меня 9), которых изучаю в простых, но интересных экспериментах.

Кроме того, у меня несколько кафедр. Должен написать несколько учебников — по биологии, зоологии и зоопсихологии, — но время уже чересчур ограничено, и все это висит надо мной и давит, ибо необходимость растет с каждым месяцем.

Дома у нас все хорошо. Приехали родственники — те, что жили в Вараджине⁶ (правда, без дяди, который умер) — и оживили обстановку. Мама была больна, но теперь оправилась, а папа, 80-летие которого мы недавно праздновали, во многом моложе и живее нас «молодых». Продолжает работать и интересуется всем. Сестры замужем, и у каждой по дочке — обе очаровательные: одной 20 лет уже, а другая малютка. Алек в прошлом месяце женился на одной моей коллеге из университета по специальности «психотехника». Женщина очень положительная, красивая и умная. Ее имя Луиза (по-девичьи: Перальта). Свадьба была отпразднована здесь, в Тукумане. Все вышло очень неожиданно. В прошлом году Алек сделал «турнэ» по северу страны, добрался до Парагвая и собирался продолжить путь до Кубы и Сев<ерной> Америки. Всюду выставлял свои картины и имел большой успех во всех смыслах — включая материальный. Два раза проехал через

Тукуман, и второй его приезд оказался для него «фатальным». Я его познакомил с Луизой, и... началось, и... кончилось. Кончилось свадебным путешествием на водопад Игуану (до которого, однако, они не доехали) и изменением всех планов: вместо Кубы и Сев<ерной> Америки город Сальта — соседний с Тукуманом, куда Алека еще раньше приглашали профессором в академию и как художника «при губернаторе». Я очень рад этой перемене. Алека я очень люблю. Он замечательный человек, и его близость для меня — большая поддержка.

Римские-Корсаковы живут очень хорошо. Построили себе домик — уютный и удобный — под Буэнос-Айресом. Володя и Нина — оба работают. Их сын Андрюша — скромный и очень умный мальчик, с большим моральным содержанием.

От Верочки Пилкиной давно не было вестей. Она много работает. В одном из писем она мне жаловалась, что ты бросил ей писать и что это ее очень огорчает. Дядя Алёша⁷ был болен. Пишем мы друг другу очень редко. Происходит то же самое, что с письмами тебе.

Ну, дорогой Кокище, теперь ты не должен жаловаться, что пишу мало. Это, конечно, дефект — не уметь писать коротко. Но в данном случае он простителен, принимая во внимание предыдущее молчание.

Буду рад, если мне напишешь еще. Напиши о себе подробнее. Напиши об Екатерине Александровне <Андреевой>, если что-нибудь о ней знаешь. Так часто вспоминаю ее и всегда с лучшим чувством. Беспокоюсь о ней и рад был бы узнать, что она живет хорошо или, по крайней мере, удовлетворительно.

Если можно говорить о переписке в случае многомесячных интервалов, то я тоже «переписываюсь» с Ритой. Давно ей не писал, но всегда ее помню и люблю — теперь уже как одного из моих настоящих больших друзей. Ей очень трудно в жизни, но она всегда остается Ритой — той же, что мы ее знали, живой и полной движения и беспокойства. Она чуткая и на этом огромном расстоянии понимает меня лучше многих людей, что живут рядом, меня видят и со мной говорят.

Левицкий же мне бросил писать с тех пор, что уехал из Германии, и я даже не знаю, где он⁸. Напиши мне, пожалуйста, его адрес.

Тоже потерял из виду Людмилу Александровну⁹, что проехала через Буэнос-Айрес и потом из Тринидада мне написала открытку.

С Ириночкой <Завойко> иногда обменивались открытками (кажется, всегда — к Новому году).

Чаще всего я писал Михаилу Михайловичу Новикову¹⁰. Он живет в том же городе, что и Рита, и с ней видится. Сейчас я ему тоже послал мою книгу. Помнишь Гессена¹¹, как он спрашивал: «И... удалось ему их соединить?» Кажется, удалось. Во всяком случае, в известной части.

Мне жаль, что моя переписка (в кавычках) с Федором Николаевичем Досужковым прекратилась, и на этот раз не столько из-за моего «неписания», сколько из-за обстоятельств внешних, географических. Когда он выехал в Лондон, на психоаналитический конгресс, он написал мне за две недели три письма: предупреждал, что не только он читает мои письма в Праге; а потом замолчал совсем. Не ответил даже на мою поздравительную открытку к Новому году. Не знаю, могу ли послать ему мою книгу или это рискованно.

Уже больше двух часов ночи. Завтра надо рано начинать день. Кончаю, хотя, начав говорить с тобой, хочу продолжать еще и еще. Прости мне ошибки и синтаксис. На запятые большое влияние оказывает испанский язык, и, вероятно, многие пропустил. Спасибо тебе за журнал твоих учеников¹². Очень хорошо пишут. Кроме того, видно, как они тебя любят и ценят.

Не забывай, добрый Кока, и пиши хоть изредка.

Твой *Костя*

Привет Франку, если он живет в Cambridge.

¹ *Пилкин Владимир Константинович* (1869–1950) — адмирал. Командовал 1-й бригадой крейсеров Балтийского моря (1916–1917). Во время Гражданской войны — морской министр в Северо-Западном правительстве генерала Н.Н. Юденича (см.: *Пилкин В.К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920 гг. М., 2005*). В эмиграции председатель Кают-компании русских морских офицеров в Ницце (Франция), где и скончался.

² От исп. *aventura* — приключение.

³ *Gavrilov K. El Psicoanálisis a la luz de la Reflexología: Enfoques biológicos de la psicología profunda. Buenos Aires, 1953.*

⁴ Имеются в виду труды физиолога, лауреата Нобелевской премии Ивана Петровича Павлова (1849–1936) и основателя психоанализа Зигмунда Фрейда (1856–1939). Подробнее см.: *Андреев, 1996. Т. 1. С. 60–64.*

⁵ Для опытов по выработке условного рефлекса необходимо было создать условия для реакции только на один раздражитель. С этой целью собаку в опытах И.П. Павлова помещали в камеру, куда не проникали никакие случайные раздражители (запахи, шумы и т. д.).

⁶ Вараждин — город в бывшей Югославии (ныне в Хорватии). Здесь жила семья дяди К.И. Гаврилова по материнской линии — полковника Константина Пилкина (1870–1948), эвакуированного в 1920 г. из Крыма в Королевство СХС. Умер в Вараждине.

⁷ Имеется в виду Пилкин Алексей Константинович (1881–1960) — русский морской офицер. В 1916–1917 гг. он командир миноносца «Новик». В 1918 г. участвовал в Ледовом походе Балтийского флота. В эмиграции жил во Франции. После смерти брата Владимира в 1950 г. избран председателем Кают-компании русских морских офицеров в Ницце.

⁸ После Второй мировой войны С.А. Левицкий находился в лагере для перемещенных лиц Менхегоф под Касселем (Германия). С 1949 г. жил в США. О его деятельности в годы войны см.: *Андреев, 1996. Т. 2. С. 144–148.*

⁹ Возможно, Камборо Людмила Александровна — знакомая К.И. Гаврилова по Таллину.

¹⁰ *Новиков Михаил Михайлович* (1876–1965) — зоолог. Последний избранный ректор Московского университета. В эмиграции жил в Чехословакии. После Второй мировой войны переехал в США. К.И. Гаврилов написал о нем статью еще в Чехословакии (М.М. Новиков и его научная деятельность // *Русский врач в Чехословакии. (Прага). 1936. № 4*). Письмо Н.Е. Андреева и два письма К.И. Гаврилова М.М. Новикову опубликованы в извлечениях, см.: *Ульянкина Т.И. Жизнь в изгнании. С. 132–133, 142–145.*

¹¹ Вероятно, *Гессен Сергей Иосифович* (1887–1950) — философ, педагог, историк образования и педагогики, литературовед и публицист. С 1924 г. жил в Чехословакии (Прага). Совместно с С.И. Карцевским основал и редактировал журнал «Русская школа за рубежом».

¹² Журнал «Плоды», издававшийся по-русски студентами в Кембридже в 1951 и 1952 гг. «при снисходительной цензуре по грамматике и ударениям Николая Ефремовича».

Андреева, русского лектора Славянского отделения». Н.Е. Андреев редактировал журнал. В частушках, сочиненных студентами для вечеринки Славянского общества 7 июня 1951 г., они так писали о Н.Е.Андрееве:

С континента Коку Колю
Неожиданно сюда
Бросила слепая доля
В пасмурные острова.
Здесь он славно развернулся,
И ему вдруг всякий рад!
Если бы когда вернулся,
Плакал бы и детский сад!

Студенты тогда были старше и уже отслужили военную повинность — многие начали заниматься русским языком именно во время военной повинности. «Детский сад» относится к молодым студенткам, среди которых и была Джилл Хаддлстон, будущая жена Н.Е. Андреева.

4

Тукуман, 6 февраля 1954 г.

Дорогой мой Кока,

повторилось опять то же самое. Время отщелкивает дни, и лучшие желания всегда оказываются связанными с «завтра». И вот так прошел весь январь, в течение которого хотел тебе ответить на твое милое письмо; хотел также тебя поздравить с прошедшим Новым годом и пожелать тебе от всей души много счастья и удачи и вообще чувствовал (и это искренне) тягу поговорить с тобой. Но заведенная машинка отщелкивает дни (я не взял так называемых «vacationes»¹ и продолжаю работать); жара домогает и лень в свободные моменты тоже. И вот пришел сегодняшний день — третий после получения твоего письма с заметкой² о моей книге, за которую (за заметку) я тебе очень благодарен и которая очень мне по душе (особенно потому, что в связи с ней вспомнил Прагу, наши начинания, и нашу молодость, и тебя в ту эпоху, энтузиаста и немного диктатора, но всегдашнего добродушного, веселого и жизнерадостного Коку). Пришел сегодняшний день — воскресенье — и я пошел в кино. Главное потому, что хотел подышать свежим искусственным [sic] воздухом. Видел очень милый фильм. И, вернувшись домой, органически взялся за перо, чтобы написать тебе. Вместе с этим письмом, в отдельном конверте и по морю, посылаю тебе — в подарок — единственный (второй) номер «Нови»³, который у меня сохранился. Статья о Павлове из первого номера у меня только в виде вырезки между моими работами, переплетенными вместе. Очень возможно, что кто-нибудь в Буэнос-Айресе имеет первый номер: мои родители или Володя <Римский-Корсаков>. Когда поеду туда, расспрошу их и, если достану, перешлю тебе этот второй подарок из далекого прошлого. Я понимаю, как дорог тебе этот ответ прошлых лет. Мне этот номер не нужен, так

что храни его для себя. Помнишь, как мы работали, по ночам и по дням, приготавливая издание «Нови»? Помнишь, как нам помогала наша дорогая Екатерина Александровна <Андреева> и как все мы жили будущим, любили безумно что-то, что казалось целью и смыслом всей жизни, как идеализировали, как готовились драться с ветряными и не-ветряными мельницами и как радовались от улыбки и бодрящих слов нашей дорогой теперешней подруги на всю жизнь, Риты, исключительной всегда женщины и человека. «Новь» для меня — символ настоящего содержания, настоящего в жизни, и всегда стараюсь сохранить ее дух в себе и передать моим ученикам, хотя здешняя среда совсем по-иному думает и чувствует. В сущности, из «Нови» выросла эта книга, о которой ты так хорошо отозвался в твоей заметке и которая здесь постепенно завоевывает успех в кругах, которые ее понимают. Как хотел бы я лично повидаться с создателем этой «Нови», с Кокой, поговорить с ним после стольких лет и стольких событий.

Ты мне пишешь о книге Новикова⁴. Он мне ее прислал, но до сих пор я только имел время перелистать ее, но целиком еще не прочел. Книги Северцова⁵ у меня нет, так что, если она тебе не нужна, был бы очень тебе признателен за этот «привет» (как ты пишешь) из далекой Европы. Вообще, если можешь достать мне книги из России (особенно мне нужна книга Быкова «Кора головного мозга и внутренние органы»⁶), то я их охотно купил бы. Только надо найти способ, как переслать тебе их стоимость.

Жизнь моя идет все так же, как раньше. В общем, работа заполняет все. Тоже немного (или много) разбрасываюсь (тут и Oligochaeta, и сексуальность, и рефлексология, и зоопсихология, и психология человека, и психоанализ, и много еще других сфер), но уж так я сделан и ничего с собой поделать не могу. В личной жизни — новое в потенци, если мое «бескровье» разведенного не испортит все. Может быть, женюсь на одной моей ученице, если ее не испугают ограничения, которые ставят здешние законы человеку в моем положении (нельзя венчаться в католической церкви; надо регистрироваться не здесь, а за границей и т. д.). Она 22 лет, но я решил не думать о возрастных различиях, которые опасны лишь в старости, до которой я, может быть, и не доберусь. Зачем портить сегодняшний день мыслью о «счастливой» старости? Предпочитаю быть несчастным в старости и счастливым сейчас. Да и несчастье в старости совсем не обязательно. Во всяком случае, предложение сделано, и ответ не отрицателен, хотя еще не определен (подумает). Зная, что женщина не говорит «да», я внутренне чувствую себя женихом. Может быть, это преждевременно, но усиленно стараюсь устроить свои дела, кончить выплату всех «хвостов» от прошлого, разрешить проблему квартиры и прочие, и прочие дела, которые стеной встают здесь неизбежно перед каждым, кто хочет нормально жить и нормально чувствовать. Мешает маленькое жалованье профессоров. Есть слух, что нам его повысят, но пока мы все в трудном материальном положении, особенно если были большие потери денег.

Пока о себе пишу только это. Может оказаться, что все это иллюзия и что я напрасно оптимист. Когда встанут затруднения — формальные, но сильные, все может пойти прахом, и я опять окажусь у разбитого корыта. Но я сил не теряю и оптимист. Сейчас внутренне чувствую, что меня ждет это счастье.

Переписываюсь (хоть и редко) с Ритой. Она сохраняет свою сущность, несмотря на всю трудную жизнь, что ей пала на долю. В последнем письме она очень глубоко человечна. Мне жаль ее усилий и горечей, но саму ее жалеть не могу, ибо она сохраняет себя так, как надо. Ее можно только глубоко и сильно уважать и ценить. Пиши ей чаще. Она нуждается в твоих письмах и их очень любит. Пишу также изредка Новикову, и он мне тоже. В последнем письме он сообщил мне о смерти брата Льва Владимировича Черносвитова⁷. С ним я тоже переписывался в прошлые годы, и он мне доставал работы по *Oligochaeta*. За последнее время замолчал; теперь мне стало понятным это резкое прекращение переписки.

Буду ждать твоих писем. Пиши о себе больше. Между твоими строками проскальзывает довольство и удовлетворение, несмотря на неуверенность положения и сомнения. Это меня радует. Напиши мне о Екатерине Александровне, если имеешь о ней сведения, и о знакомых, коих вспомнишь и о которых что-либо знаешь.

Все мои (уже давно) шлют тебе привет. В их числе Алек, который счастливо живет со своей женой в соседнем городе и изредка сюда приезжает.

Как всегда, письмо оказалось длинным и растянутым. Но уж прости мне это. Крепко жму твою руку и желаю всего лучшего и удачного.

Твой друг *Костя*

¹ Выходные дни (*исп.*).

² Русская мысль (Париж). 1954. 22 янв.

³ Альманах «Новь: Сборник произведений молодежи ко Дню русской культуры» издавался в Таллине в 1928–1935 гг. Комитетом по организации Дня русской культуры в г. Ревеле. Первые три выпуска в газетном формате редактировал Н.Е. Андреев. Упомянутая ниже статья К.И. Гаврилова (подписанная К.Г.) «И.М. Сеченов — И.П. Павлов. Объективное изучение нервной деятельности» была опубликована не в первом, а во втором номере альманаха (1929. С. 4–5), где также была помещена его заметка «Д.И. Менделеев. К девяностолетию со дня рождения» (С. 2). В третьем номере появилась еще одна небольшая работа К.И. Гаврилова — «Опыты М.М. Завадовского. Формообразовательная роль маскулизма и феминизма» (1930. С. 8).

⁴ Имеются в виду мемуары М.М. Новикова «От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике», изданные в Нью-Йорке в 1952 г.

⁵ *Северцов* Алексей Николаевич (1866–1936) — зоолог; уделял много внимания выяснению общих закономерностей эволюционного процесса. Этим проблемам посвящена его монография «Морфологические закономерности эволюции» (М.; Л., 1939), которую, возможно, имел в виду Н.Е. Андреев.

⁶ *Быков* Константин Михайлович (1886–1959) — физиолог. В 1921–1950 гг. работал в Институте экспериментальной медицины (в 1921–1932 гг. под непосредственным руководством академика И.П. Павлова). В 1948–50 гг. директор Института физиологии центральной нервной системы Академии медицинских наук СССР; с 1950 г. директор Института физиологии АН СССР. Член Академии медицинских наук СССР (1944), Академии наук СССР (1946). Упомянутая монография издана в 1947 г. в Москве.

⁷ *Черносвитов* Борис Владимирович (1900–1953) — химик. Жил и скончался во Франции.

Тукуман, 21 октября 1955 г.

Дорогой Кока,

сегодня был обрадован твоим письмом (очень обрадован) и только сегодня почувствовал (в связи с твоим успехом), как пробежало время с того дня, когда узнал, что и мой дружище Кокище стал папашей¹. Не поверишь, что с этого самого момента до сегодня все время нахожусь в «потенции» написать тебе и от всей души поздравить тебя и Джилл с появлением прелестной — не сомневаюсь — дочурки. Не поверишь, что эта «потенция» оказалась почти что вневременной в смысле Сережи <Левицкого>, ибо откладывание на послезавтра того, что можно сделать завтра, оказалось действительно непростительным. Трудно на расстоянии понять все эти препятствия, которые вместе с моей «письмофобией» являлись причиной такого запоздалого ответа на твое радостное письмо о семейном событии. В тот момент находился в интенсивной работе в связи с изданием новииковской «Сравнительной анатомии»² (которое теперь, к сожалению, задержалось). Вскоре потом получил телеграмму и телефонное сообщение о болезни моего отца, о необходимости операции, опасной в его возрасте (83 года). Должен был спешно лететь в Буэнос-Айрес и провести там, дежуря по ночам в клинике, несколько недель. Вернувшись в Тукуман, должен был исполнять и исполнять ряд дел в связи с нашим институтом и по ночам, вернувшись домой, засыпал под столом, усталый от всей этой кутерьмы. А потом началась пре-революция, была пережита революция, и переживается в довольно беспокойной и бессмысленной форме пост-революция, которой не видно еще конца³. Сегодня решил преодолеть все эти препятствия и написать тебе во что бы то ни стало. Не поверишь, что рождение твоей дочки, так же как дочурки Алека, я пережил словно личное счастливое событие. Мне очень не хватает этой стороны жизни, и именно дочки. Не думал никогда, что буду иметь отцовские инстинкты и что они будут проявляться впустую в связи с неудачной личной жизнью, предписанной мне судьбой. Но радость за тебя, за Алека и за некоторых других друзей в этом смысле мне компенсирует эту пустоту. Прими от меня и от всей моей семьи самые искренние и горячие поздравления и передай их Джилл. Поцелуй за меня Катеньку и позже, когда она подрастет, расскажи ей, что в Аргентине живет такой худощавый дядя Костя, который был твоим другом и ее очень любит.

О себе трудно писать. Переживаем (уже давно) время переходное и живем как туристы, с непрерывным ожиданием, что в конце концов уедем куда-нибудь. Еще при прежнем режиме⁴ университетские профессора «оплевывались» непрерывно. Жили бедно и водимые только своей любовью к работе. Сейчас еще того хуже. Все мы находимся «en suspension»⁵, т. е. нас держат условно, даже тех, кто имеет 20–30 лет давности. Будут конкурсы, где политический момент, кажется, будет играть большую роль. В общем, производят «чистку», еще раз оплевывая все профессорское сословие. Жалование не увеличилось с 1948 года. Тогда оно было втрое больше минимума для жизни. Сейчас оно вдвое (если не втрое) меньше минимума, необходимого профессору. Как будут производиться конкурсы, неизвестно. Как будут смотреть на заграничных докторов — тоже. В общем, надо ждать и ждать,

что будет? А люди здесь очень глупые и мошенники. Все, что делают, делают плохо. Теряют бесконечно время и переделывают все в самом бессмысленном виде. Сущность их не интересует. Или они ее не понимают. Ругают того, кого выкинули (хотя в нем было в разных смыслах довольно много положительных черт), а сами делают то же самое, и даже хуже (пока). Посмотрим, куда все это приведет. Ясно, что при таких обстоятельствах настоящая научная работа задержана и все силы уходят на другое — бессмысленную сутолочь университетских неурядиц.

Наш институт всегда представлял исключение в этом общем правиле. Был словно крепость, где царила известная традиция настоящей работы, настоящей науки. Все благодаря нашему директору — доктору Десколе. Сейчас и у нас неурядицы. Ряд профессоров (дураки!!!) под влиянием моды борются против этой традиции и под влиянием всяческих новых тенденций и личных интересов вносят распри и интригу. Я, к сожалению, в центре всех этих нападков в связи с моим положением директора университетской Школы естественных наук и председателя Ассоциации доцентов нашего института. Приходится защищать Десколе и все то, что годами сложилось в институте как настоящая линия работы. Приходится принимать все удары и нейтрализовать интригу. Мне помогает моя натура, которая всегда идет напрямик (пусть даже по зигзагу, но напрямик), но иногда не знаешь, что делать с чувством горечи и отвращения, которое невольно возникает в связи со всеми этими бессмыслицами и неверностью людской (изменниками оказались даже бывшие т<ак> наз<ываемые> «друзья»). Сейчас трудно сказать, что получится, выиграет ли настоящее или все эти модные движения разрушения подточат камень и разрушат здание. Во всяком случае, работа задержана и вся университетская деятельность сводится к тому, что здесь называется «маленькая политика» (т. е. «политика», ограниченная институтскими или университетскими делами).

В личной жизни тоже пока нет никаких положительных моментов. Попытки конструктивные, направленные на восстановление настоящей личной жизни, почти все (или, вернее, все до сих пор) срывались. Условность, заинтересованность, глупые влияния религиозных предрассудков (я все более и более ненавижу религию, во всяком случае католицизм) всегда мешали в этом смысле. Я получил полный развод (и в этом отношении должен быть благодарен бывшим руководителям и их прогрессивным точкам зрения). Но это не помогает. Увидим, что получится. Пока же я один, и уже привык к этому, и думаю, что здесь так протечет вся моя жизнь, ибо за все эти 17 лет моего пребывания в Ю<жной> Америке я не могу уподобиться им и живу всегда вне «общей психологии». Не думаю, что здесь встречу женщину, которая могла бы думать так же, как я. Но все это не важно. Важно, что счастлив Алек, счастлив ты, и что время возьмет свое, и в конце концов все будет лучше и осмысленнее.

Я рад, что ты повидался с Сережей. Он пишет, чтобы я «очеловечился» и отозвался. Но не указывает своего адреса. Куда писать ему?

Не ленись и пиши. Тебе и Джилл (и тоже Катюше) мой самый сердечный и дружеский привет. Не забывай. Твой Костя.

Адрес Володи Р<имского>-К<орсакова>: Chalet «Nina». Spegaffini (Ranelagh). F. C. N. g. Roca. Provincia de Buenos Aires. Rep. Argentina.

¹ Н.Е. Андреев женился на своей бывшей студентке Джилл Хаддлстон (Gill Huddleston) 16 июля 1954 г., и у них в апреле 1955 г. родилась дочь Екатерина.

² Книга вышла только в 1963 г. *Novikoff M.M. Fundamentos de la morfologia comparada de los Invertebrados. Buenos Aires, 1963.*

³ Имеются в виду события июня 1955 г., когда движение за свержение режима президента Перона, возглавлявшееся офицерами военно-морского флота, сумело добиться своей цели. Преемником Перона на посту президента стал генерал Эдуардо Лонарди. Однако уже в ноябре 1955 г. произошел новый переворот, в результате которого во главе страны оказался генерал Педро Эухенио Арамбуру (у власти до 1 мая 1958 г.).

⁴ Т. е. в период президентства Х. Перона.

⁵ в подвешенном состоянии (*исп.*).

6

Тукуман, 22 ноября 1965 г.
(Воскресенье)

Дорогие Кокище и Джилл,

неделями чувствую потребность написать вам. Неделями определяю часы, когда сяду за письмо. И неделями всякий раз что-то мешает и отклоняет от этой потребности моей. Решил написать как выйдет. Сейчас ночь и вся семья спит¹. Завтра опять работа и всяческие дела, которые снова могут помешать. Буду краток (в моем смысле), ибо, если начну писать, вероятно, смог бы заполнить много, очень много страниц.

Прежде всего, спасибо вам за фотографии ваших прелестных, умных, очень и очень симпатичных детишек, которые всех нас очаровали. Поздравляем вас от всего сердца. Вероятно, сейчас они уже сильно изменились, но не сомневаюсь, что сохраняют все этот особенный глубокий и пронизательный взгляд, очень характерный и очень обещающий в смысле их будущего развития.

Кроме того, спасибо за твой подарок этой нужнейшей мне книги Stephenson'a об олигохетах². Всегда ее буду хранить как знак твоего дружеского внимания и чувства.

Не помню, когда я получил твое последнее письмо: до или после моей первой поездки в Буэнос-Айрес — со всей семьей — для чтения курса в тамошнем университете. Но не успели мы вернуться, как я был вызван по телеграфу опять ехать туда в связи с болезнью моего папы. Ему почти 94 года, и у него начался процесс склероза мозга. Провел много ночей у его постели. Днем о нем заботилась моя сестра Нина. Другие растерялись и помогли мало. Крепкий организм победил временно проявления этого недуга. Сейчас ему лучше. Мы наняли сиделку, и, по видимому, болезнь продлится еще достаточно времени. Но возраст не оставляет надежд, и то, что я видел и пережил, укрепило во мне единственный страх, который еще во мне живет, — это страх перед старостью, перед этой пока непобедимой силой, которая хуже всякой смерти, этого неизбежного сна, о котором никто из нас никогда не будет знать, когда он начался.

Прости, если пишу с некоторой нотой грусти. Здесь, в Тукумане, из тех, кто вместе со мной начали работать в университете в 1947 году, остались только я и

д<окто>р Дальма — тот, кто написал пролог в моей книге 1953 года³. Остальные уже ушли. Vubita ругает меня за все эти грустные мысли, и она права. Достаточно видеть Игорчука и Людмилочку, фотографии которых (от 9.VII.65) я посылаю вам (к сожалению, нет более поздних достаточно хороших), чтобы понять, что все эти «старческие» (57!) сентиментализмы, вероятно, не больше как результат усталости и не имеют основания. Но в этом письме я, вероятно, произвожу их т<ак> наз<ываемую> абреакцию⁴ в Досужков'ском смысле. Вспоминаю часто Федора Николаевича. Он через других друзей и сам, в одном письме из Италии, куда поехал на один конгресс, меня просил не писать ему — по причинам внешним — и я не знаю уже много времени, что с ним и как он живет.

Работы масса. Кроме статей об Oligochaeta, продолжаю писать мой курс сравнительных анатомии и физиологии⁵. Сейчас сижу над дыхательными органами. Получается большой, но имеет успех во всех здешних университетах.

От всего сердца все мы — Vubita, я, Игорчук и Людмила Константиновна (уже почти 2 лет) — шлем всем вам наш самый сердечный, дружеский и теплый привет. Надеемся, что все вы здоровы и счастливы как всегда и что все у вас хорошо. Не забывайте нас, даже если я пишу так редко.

Ваш Костя и семейство.

Сердечный привет от Бубиты.

P. S. Любые работы относительно Oligochaeta (Beddard, Stephenson, Michaelsen, Cognetti de Martiis, Benham, Stolte и др.⁶) меня интересуют. Здесь литература очень бедна. Если можешь достать что-либо из этой сферы, пришли, но с условием, что все расходы плачу я. Интересуют монографии Beddard'a и Stolte.

К.

¹ В сентябре 1961 г. К.И. Гаврилов женился на своей бывшей ученице Марии-Терезе Виллалба (домашнее имя Бубита). В 1962 г. у них родился первенец — сын Игорь, затем дочь Людмила.

² Stephenson J. The Oligochaeta. Oxford, 1930.

³ Имеется в виду монография: Gavrilov K. El psicoanálisis a la luz de la reflexologia (Enfoques biológicos de la psicología profunda). Buenos Aires, 1953. Предисловие к ней написал профессор Хуан Дальма (1895–1977), основатель медицинского факультета Тукуманского университета, автор нескольких монографий по истории медицины.

⁴ Термин в психоанализе, означающий сознательное переживание уже случившегося травматического события с целью дать выход избытку сдерживаемых эмоций.

⁵ Он так и не был опубликован в законченном виде.

⁶ Речь идет о: Beddard F. Monograph of the Order of Oligochaeta. Oxford, 1895; Benham W. Oligochaeta of Macquarie Island. Sydney, 1922; Cognetti de Martiis L. Gli oligocheti della regione neotropicale: memoria. Torino, 1905; Michaelsen W. Das Tierreich 10: Vermes, Oligochaeta. Berlin, 1900; Stolte H. Oligochaeta. Leipzig, 1933.

Тукуман, 2 декабря 1966 г.

Дорогой мой Кокище,

прости, что не сразу тебе ответил на твоё сердечное и доброе письмо, написанное в связи с известием о смерти моего папы. Спасибо тебе за твои хорошие слова и за твою память, всегда ценимую мной (несмотря на редкость моих писем). Не мог сразу ответить, т. к. был завален работой. Недавно кончил Jornadas Zoológica Argentinas¹ (нечто вроде зоологического конгресса), которые устраивал здесь наш институт, и мне пришлось спешно готовить две работы — одну относительно одного из наших тукуманских червяков и другую на тему «Поведение и конфликт»² — для «круглого стола» (mesa redonda), где я был назначен одним из реляторов³. А потом пришлось писать годовой отчет о деятельности моих секций и, кроме того, начался период экзаменов. Сейчас пишу тебе из лаборатории, где я один (т. к. сегодня суббота).

Я рад, что у вас все хорошо, что ты и Джилл счастливы и что у вас такие милые, замечательные детишки. Убежден, что ты с увлечением и с успехом продолжаешь твои работы.

У нас тоже все хорошо. Изменения, о которых ты, конечно, читал в газетах, наш институт не затронули. Здесь все спокойно, и хотя все время приходится бороться с известной бедностью в смысле возможностей работы, мы продолжаем, как всегда, наши занятия и, в общем, не должны жаловаться. Дома все хорошо. Детишки растут так быстро, что фотографии, которые я прилагаю к письму (пока других у меня нет) уже устарели. Они сняты, кажется, в начале 1966 (не помню в этот момент даты). Сейчас Игорчук значительно выше; он умный и интересуется книгами, буквами и цифрами. Характер у него похож на мой — вспыльчивый, но с хорошим внутренним чувством. Людмилочка похожа на мою маму, особенно глазами, но тоже манерами. Она самостоятельна, иногда капризна, но нежная; любит танцевать, выдумывая свои собственные балетные па. Бубита, как всегда, замечательная и понимающая жена. Она не хотела, чтобы я посылал фотографию, где она со мной и детьми (говорит, что плохо вышла), но я все же посылаю ее контрабандой, т. к. пока не имею другую. Прилагаю тоже фотографию моей лаборатории (сняты в 1954, но мой уголок не изменился с того времени почти ни в чем). Жаль, что теперь строят новый дом, куда нас хотят перевести, — этот уголок придется через несколько лет покинуть. А я так к нему привык. Кончаю.

Всех вас крепко целую и желаю вам всем много, много счастливых моментов. Бубита шлет свой самый сердечный привет.

Твой друг *Костя*

Алек, мой брат, работает в моей секции как рисовальщик. Поражает всех своей быстротой и техникой. Я рад, что мне удалось его устроить в нашу лабораторию.

¹ Дни аргентинской зоологии (*исп.*).

² Оpubл.: *Conducta y conflicto: (Algunos aspectos del problema) // Acta Zoológica Lilloana*. 1969. Т. 24. Р. 237–254.

³ От *исп. relator* — докладчик.

8

Тукуман, 24 сентября 1970 г.

Дорогой Кокище,

был рад твоему письму и хорошим вестям от тебя. Прости, что не ответил сразу, но должен был произвести некоторую работу, чтобы собрать данные, которые тебя интересуют. К сожалению, не могу ответить на все вопросы. У меня такие же проблемы памяти, как у тебя. Это вытеснение. Еще до твоего письма¹ хотел просить тебя напомнить мне имена некоторых наших учителей в Ревеле (например, как звали социолога? Каковы имя, отчество и фамилия «Пирога»? имя и отчество Рота?² и т. д.). О Праге кое-что вспомнил и кое-что нашел в журнале «Русский врач в ЧСР» и в других книгах и документах. Начну по пунктам:

1) Мы приехали в Прагу 19.X.1927 (19 října 1927), рано утром. Эта дата фигурирует как день легализации моего «*Seznam přednášek*»³. Я помню, что Володя Римский-Корсаков со станции (*Wilsonovo Nádraží*) повел меня в деканат, чтобы закончить все хлопоты записи в университет и легализовать *Seznam*.

2) Названия станции, с которой мы уезжали и через которую возвращались в *Újezd nad Lesy*, я точно не помню. Осуществив с собой эксперимент со свободными ассоциациями, я все время возвращаюсь к слову «*Vršovice*», но я не уверен, что оно соответствует имени станции; моментами мне кажется, что это округ самого города Праги⁴. Так что в этом пункте остается?

Несмотря на это, уже с точностью могу сообщить, что следующая станция (в сторону Праги) называлась «*Věchovice*» (оттуда у меня собран червивый материал, как отмечено в одной из моих работ); потом была по дороге большая станция «*Libeň*», где имела «колония» русских. А вокзал, куда мы приезжали, назывался *Masarykovo Nádraží*.

3) Имен твоих хозяев в *Újezd nad Lesy* не помню. Также забыл название улицы, где ты жил с Теннукестом⁵ первый год (рядом жил Хохлов⁶, если я правильно помню это имя).

4) Из *Ozdravovny* в Прагу мы все, кажется, переехали в конце 1929 года или в начале 1930: я — в *Strašnice*, а ты — не помню куда. Мама с Ниной, проезжая через Прагу в Италию, чтобы взять пароход до Аргентины, меня навестили уже во второй моей комнате (квартире) в *Strašnice*, это было в 1931.

5) Не помню, если в начале, когда жил еще Беляев⁷, *Seminarium Kondakovianum*⁸ находился на *Hradčany*⁹. Но потом он занимал верхний этаж на *Slunná 10, Střešovice*. Мне кажется, что в эпоху наших докторских промоций «*ve Velké Aule Staroslovné University Karlovy*»¹⁰, *Praha I, Ovocný Trh* (твоя: 30.VI.1933; у меня: 27.IV.1934) мы уже жили на *Slunná 10*. Можно считать, что Кондаковский институт уже находился на *Slunná 10* с 1932 (или раньше?).

6) Адрес Педагогического бюро, где собирался «Скит»¹¹, не помню. Но адрес для сношений, в связи с изданиями «Скита», был: Dr. A. Vem¹², Bučková 29, Praha XIX (Bubeneč). Это адрес профессорского дома; рядом находился другой проф<ессорский> дом, с № 24. Другой проф<ессорский> дом, где жил Толль и Окуневы¹³, если мне не изменяет память, находился на Podbobská třída 24, Bubeneč.

7) Точного адреса «Русского очага»¹⁴ не могу сообщить, не помню. В пакете моих докладов, произнесенных в нем, отмечено только «Русский очаг» без адреса (это большой пробел). Насколько мне не изменяет память, он находился на той же улице, где и знаменитая пивная «U Fleka» (?). По методу свободных ассоциаций прихожу к названию «Mysliková» или «Mysličkova» (?), но иногда также и «Voličková», хотя — насколько помню — это последняя улица шла от Jungmannová 10, где жил Dr. Dosužkov k Vaclavské namestí.

8) «Земгор»¹⁵ находился на Sokolská (без сомнений), приблизительно № 100 (?), на той же улице, где были Lekařský Dům у Lekařské knihkupectví, № 27, Praha II. Vědecké knihkupectví Jar. Tožička помещалось на Lipová 4, Praha II.

9) Смену адресов «Народного (Свободного) университета»¹⁶ не помню, но его последний адрес у меня отмечен: Krakovská 8, Praha II. Но адрес «Справочного листка при Свободном университете в Праге»¹⁷ другой: один из его редакторов — М. Стахевич¹⁸ — указывает адрес Žižková 25, Praha XVIII, а другой — А. Воеводин¹⁹ — Čestmírová 27, Praha XIII; ответственный редактор — Fr. Herman — жил на Belehradské 97, Praha XII.

10) Может быть, тебе будет интересен адрес: Slovanský Ústav²⁰ — v Lobovickém Paláci v Praze III, Vlašská 19.

А также моего института: Zoologický Ústav, U Karlovy 3, Praha II.

Пока что только это. Потом разберусь в старых письмах (сейчас не хватает времени) и, может быть, найду какие-либо другие даты. Если у тебя нет и ты хотел бы иметь твою пригласительную карточку на докторскую промоцию, у меня есть один экземпляр, и я мог бы тебе его прислать. Рад, что Грохолинский²¹ жив и уже на свободе.

О себе не буду писать много, чтобы не увеличивать письма.

В семье все хорошо. 15 июня этого года родилась наша симпатичная, спокойная и приветливая Лариса (Лара) — третья, после Игоря (8 лет) и Людмилы (6 лет). Я стал семьянином и меньше провожу времени с работой в сравнении с прошлыми годами, но работаю все время, хотя часто борясь с некоторой «обломовщиной», которая меня привлекает. Вероятно, последствия возраста и не очень приятных условий нашего современного университетского режима, который охлаждает и даже пугает — не только меня, но и всех моих коллег и сотрудников. Этот режим — новые законы, требования, методы — чересчур жандармского типа, полон бюрократии и ограничений планами и абсурдными требованиями; и в нашем институте к нему прибавляется еще типичная адлеровская²² психология директора, со своим «инстинктом власти» и ежовыми рукавицами. Скоро все мы должны пройти через новые конкурсы. Наш институт находится еще в прелюдии этого, но на других факультетах сделали жестокую и бессмысленную чистку, не жалея даже тех, кто больше 20 лет исполнял функцию. Все это абсурдно и, конечно, пугает. Но, может быть, «не так страшен черт, как его малютки...»²³.

Рад, что ты доволен и счастлив. Твоей супруге Джилл и всей семье от меня и от всех моих самый сердечный и большой привет. Тебе тоже.

Твой друг *Костя*

Всегда хотел спросить тебя, что ты знаешь о Чегринцевых?²⁴ Как они провели войну и где живут после войны? Никогда ты мне о них не писал.

¹ По-видимому, уже в это время Н.Е. Андреев начал подготовку к написанию воспоминаний и старался уточнить разные детали, которые появились позднее в его мемуарах (см. Андреев, 1996).

² Упомянуты преподаватели таллинской гимназии, где учились Н.Е. Андреев и К.И. Гаврилов: Сергей Васильевич Пирожников; Николай Федорович Роот (1870–1960), художник, ученик А.И. Куинджи, соученик Н.К. Рериха, с которым дружил многие годы. С 1919 г. жил в Эстонии. В гимназии вел уроки рисования. Член правления Союза русских просветительских и благотворительных обществ, председатель правления Литературного кружка в Таллине.

³ Диплом (*чеш.*).

⁴ Память не подвела К.И. Гаврилова: указанное название соответствует и станции, и району Праги.

⁵ *Теннукест* Константин Иванович — одноклассник Н.Е. Андреева и К.И. Гаврилова по гимназии, уехал в Австралию.

⁶ *Хохлов* Герман Дмитриевич (псевд. Ал. Новик; 1908–1938) — одноклассник Н.Е. Андреева и К.И. Гаврилова по таллинской гимназии. В 1927 г. переехал в Прагу, где одновременно учился на философском факультете Карлова университета и в Русском институте сельскохозяйственной кооперации. Был близок к литературному объединению «Скит поэтов». После учебы работал во Франции. Печатался в «Современных записках», «Воле России» и др., принимал участие в альманахе «Новь». В 1933 г. вернулся в СССР. Печатался на литературные темы в советской прессе. 11 октября 1936 г. арестован НКВД. 14 мая 1937 г. Военным трибуналом Московского военного округа «за оказание помощи международной буржуазии» осужден на 10 лет лагерей с последующим поражением в правах сроком на 5 лет. 14 мая 1938 г. тот же трибунал по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации приговорил его к расстрелу. Расстрелян 10 сентября 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. Подробнее см.: Андреев, 1996; Белобровцева И. Двойной портрет: Николай Андреев и Герман Хохлов (литературные критики из «незамеченного поколения») // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 34. Р. 159–174.

⁷ *Беляев* Николай Михайлович (1899–1930) — археолог, историк. Участник Белого движения. В 1920 г. эвакуирован из Крыма в Константинополь. С 1922 г. жил в Праге. Один из основателей Семинария имени Н.П. Кондакова (вместе с Г.В. Вернадским, А.П. Калитинским, Н.П. Толлем).

⁸ *Seminarium Kondakovianum* — Семинарий имени Н.П. Кондакова; основан в 1925 г. В 1931–1952 гг. Археологический институт им. Н.П. Кондакова.

⁹ *Градчаны* — один из четырех исторических районов Праги, сохранявших до 1784 г. право на самоуправление. Название района произошло от слова «hrad», что на чешском языке означает «замок, крепость, укрепленное поселение».

¹⁰ То есть в период защиты докторских диссертаций в Большой аудитории Карлова университета.

¹¹ «Скит поэтов» — литературное объединение в Праге. Бессменный руководитель — А.Л. Бем. См.: «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской; сост., биографии Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева. М., 2006.

¹² *Бем* Альфред Людвигович (1886—1945 (?)) — филолог-славист, критик, общественный деятель. С января 1922 г. жил в эмиграции в Праге. Член пражского Союза русских писателей и журналистов. Организатор и секретарь Общества по изучению Ф.М. Достоевского при Славянском институте. Активно сотрудничал в Педагогическом бюро по делам средней и низшей русской школы за границей и журнале «Русская школа за рубежом». Руководил литературной группой «Скит поэтов».

¹³ *Окунев* Николай Львович (1885—1949) — историк-византист, археолог, славяновед, историк искусства, коллекционер живописи. С марта 1923 г. жил в Праге. С 1925 г. профессор истории искусства Византии и восточных славян философского факультета Карлова университета. Член Семинария / Археологического института им. Н.П. Кондакова, Славянского института. Его жена: Вера Петровна (урожд. Патрик; 1888—?). Дочери: Ирина (в замужестве Расовская; 1913—1941), историк искусства; Вера (в замужестве Покорна; 1915—1998). Сын: Михаил (р. 1919).

¹⁴ «Русский очаг» — культурно-просветительский центр русской эмиграции, открытый в ноябре 1925 г. Располагался в центре Праги, на Кременцовой улице в доме 8. Им руководила графиня С.В. Панина. Включал библиотеку, имевшую в том числе и советские газеты и журналы, залы для проведения лекций и семинаров, учебных занятий, литературных и музыкально-художественных собраний, выставок и других мероприятий (кроме политических).

¹⁵ Земгор — объединенный комитет Земского и Городского союзов. Создан в июле 1915 г. для помощи в организации снабжения русской армии.

¹⁶ Речь идет о Русском народном университете в Праге, открытом Земгором в 1923 г. Создан по примеру университета А.Л. Шанявского в Москве. Предоставлял всем желающим возможность познакомиться с различными отраслями знаний, для чего организовывалось чтение курсов, лекций и докладов, посещение музеев, выставок и т. п.

¹⁷ «Справочный листок при Свободном университете в Праге» — газета Русского свободного университета в Праге, издавалась в 1934—1939 гг.

¹⁸ *Стахевиц* Михаил Сергеевич (1893—1948) — редактор и основатель «Морского журнала», органа Кают-компании в Праге.

¹⁹ *Воеводин* Александр Александрович (1888—1944) — историк и писатель. Издавал литературный журнал «Жили-были» в Тунисе. В 1922 г. переехал в Прагу. Заведующий канцелярией Русского свободного университета в Праге, секретарь Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1944 г. арестован гестапо, погиб в концлагере.

²⁰ Славянский институт (*чеш.*).

²¹ *Грохольский* Юрий Владимирович — химик, член НТС. Упоминается в воспоминаниях Н.Е. Андреева.

²² Психолог Адольф Адлер (1870—1937), основатель школы индивидуальной психологии, исходил из того, что люди всегда находятся в движении к лично значимым жизненным целям.

²³ Каламбур, впервые встречающийся у Н.С. Лескова (рассказ «Зимний день»).

²⁴ *Чегринцева* Эмилия Кирилловна (урожд. Цегоева, 1905—1989) — поэт. В эмиграции в Чехословакии. Училась на философском факультете Карлова университета в Праге. В 1930 г. вышла замуж за Чегринцева Сергея Валерьяновича (1904—1977) — инженера, увлекавшегося филателией и державшего филателистический магазин. В том же году у них родилась дочь Марина. Член литературного объединения «Скит поэтов», собрания которого часто проходили на квартире Чегринцевых в Виноградском районе Праги. После Второй мировой войны преподавала русский язык в чешских гимназиях и институтах, в том числе в Пражской театральной академии. В 1960—70-е гг. неоднократно приезжала к родным в СССР. 16 ноября 1989 г. скончалась в городке Наход на севере Чехии, где жила в последние годы вместе с дочерью.

Тукуман, 2 сентября 1972 г.

Дорогой Кокище,

уже давно, очень давно, не имею от тебя вестей. Тоже не пишу. Переживаем здесь тяжелые условия университетской жизни — хаотичные, глупые, полные бессмысленной неразберихи. Днями и даже в течение нескольких недель не могу попасть в мою лабораторию, потому что институт занят учениками, которые никого не впускают. Все это очень грустно, очень странно. Но понятно, т. к. исчез авторитет, и теория Фрейда полностью подтверждается с прибавлением всяких политических влияний. Из газет ты, вероятно, знаешь о нашей университетской жизни. Не знаю, куда ведут все эти события.

Пишу сейчас только с мыслью о тебе. Напиши мне хотя бы две-три строчки, чтобы я знал, что у тебя все хорошо, что ты и все твои здоровы и что твое молчание зависит только от «неписанья», подобного моему. Напиши сразу, получив это письмо.

В моей семье все хорошо. Дети растут — растут так быстро, что не успеваешь отмерить время. Самая маленькая — Лариса — уже начинает говорить и является центром всех наших эмоций.

Мне писал Досужков из Праги. Просил передать тебе привет. Он продолжает со своими психопатическими исследованиями, несмотря на трудности, которые постоянно встречает.

В марте этого года умер Jiroves, директор Зоологического института нашего университета (University Carolina). Не знаю, помнишь ли ты его.

Рита мне написала уже давно. Не ответил до сих пор из-за нашего беспокойного состояния, которое мешает не только в работе (уничтожает всяческую творческую искру), но также и в остальной жизненной сфере.

Кончаю. Пишу только чтобы показать тебе, что хотя бы одна или две строчки от тебя были бы для меня очень радостными.

Привет всей твоей семье.

Твой Костя

Тукуман, 11 декабря 1973 г.

Дорогой Кокище,

Тебя и твою семью все мы поздравляем с праздниками и с наступающим Новым годом, желаем, как всегда, всего наилучшего и шлем Вам наш самый сердечный привет.

Был рад твоему письму. Вижу, что ты здоров, полон энергии, творческого вдохновения и оптимизма и что у Вас в семье все хорошо.

У меня тоже в семье все хорошо. Моя большая любовь — маленькая Марта — растет и с каждым днем радуется своими новыми проявлениями этой, может быть, лучшей эпохи своей жизни. Другие уже большие. Людмила учится танцам (классическим и испанским), а Игорь, хотя и прошел хорошо в школе и более или менее в теоретическом английском, кажется, провалился в «писательском» и должен повторить эту часть экзамена в марте. Людмила, кроме танцев, учится в школе, и с большим успехом.

Прости, что целую вечность не писал тебе. Ты знаешь мой характер в этом отношении, но к этому дефекту сейчас прибавляются другие, связанные с нашей хаотической университетской жизнью, которая уже годами не может наладиться и в этот момент — после всех новых изменений — приняла характер достаточно странный и полный противоречий. Материально не затрагивает нашего — профессоров — положения, но новые волны, пропитанные разными идеологиями, мешают работе.

Сейчас начинают доминировать те, у которых еще не обсохло молоко на губах, и, кажется, хотят требовать — под лозунгом «наука для народа», — чтобы наша работа имела только прикладной, практический смысл. Это пока слова. Но если будут продолжать в том же духе, кто и где проведет границу между этой прикладной и общей наукой. Профессора с 25–30-летней деятельностью в области преподавания оказались на заднем плане в выработке новых планов учения и исследования (эти планы меняются каждый момент), и это, конечно, кладет свой грустный отпечаток на всю университетскую жизнь. Меня лично ученики любят и слушают, но это не меняет общей картины. В этих условиях, вместе с огромным количеством бюрократических обязательств, то, что Фрейд называет сублимацией, идет книзу. Нет вдохновения. Сейчас занят моим учебником сравнительных анатомии и физиологии, который получается очень большим, и хотя имеет большой успех не только в Аргентине, но и в соседних странах (говорят «obra fundamental»¹), лично для меня представляет «болото»: одну ногу вытащишь, другая увязнет. Для других тем нет времени, да и, в сущности, всяческие планы официальные не позволяют развивать темы по собственному взгляду, приходится ограничивать их к предписанным схемам.

Вот пока и все, Кокище. Жму твою руку и всей твоей семье шлю от всех нас самый теплый привет.

Твой Костя

¹ фундаментальный труд (*исп.*).

Тукуман, 18 августа 1974 г.

Дорогой Кокище,

целую вечность не писал тебе. Все время собирался ответить на твое милое последнее письмо, но все в связи с разными обстоятельствами откладывал и откладывал. Был очень рад этому письму и тому, что у вас — в твоей семье — все хорошо.

Рад тоже, что Володя и Нина Р<имские>-Корсаковы нашли меня бодрым и молодым, хотя на самом деле уже чувствуется возраст: нет уже прежней энергии и выносливости, ночная работа сократилась и т. д. и т. п. Сейчас переживаю неприятную эпоху «перестройки» зубной системы, и это меня выбивает из колеи. Также мешает аллергия кожи к разным веществам, что в лабораторной работе мешает. Но, в общем, жаловаться не могу. Анализы, которые мне сделали в связи со случайным небольшим недугом, показали, что мой организм в лучшем состоянии, исключая, может быть, маленькое уменьшение эритроцитов (вероятно, в связи с некоторыми медикаментами, которые принимал).

Несмотря на это, за последнее время чувствую известную усталость и депрессию. Вероятно, причины внешние. Была больна Бубита, моя жена (очень повышенное артериальное давление), и пришлось осуществить целую серию клинических исследований. Все оказалось хорошо, и сейчас она поправляется или даже относительно поправилась.

Больше всего влияет наша хаотическая университетская жизнь. Это часть общего хаоса, который усилился после смерти Перона¹, большого человека, который умел преодолевать все эти бессмысленные обстоятельства. Газеты полны сообщениями о бомбах, перестрелках, похищениях, столкновениях и т. д., и т. д. Исчезают продукты.

В университете доминируют студенты и разные демагогические личности. Студенты часто применяют методы «силы». В разработке новых планов учения — довольно абсурдных — нас, опытных профессоров, в руках которых остается преподавание, — ничего не спросили (нас отставили в сторону), и эти планы были нам навязаны комиссиями, состоящими из учеников и этих новых личностей, которые я упомянул. Новый университетский закон неплох, но посмотрим, как его будут применять. Он устанавливает возрастной предел — 65 лет для профессоров обыкновенных (включая full time). В прошлом году я уже перешел этот предел, и, в сущности, мои функции «ordinarias»² должны были кончиться в марте этого года. Но есть выход: меня могут провозгласить профессор «emeritus»³ или контрактировать. Все зависит от людей, в руках которых окажется дело. Все это, конечно, волнует, т. к., если придется идти в отставку, жалование (пенсия) уменьшается почти в 3 раза. Сейчас все конкурсы, которые мы только что выиграли, аннулировали, и все мы продолжаем работать в так называемые «comisión»⁴. Будут новые конкурсы, но из-за возраста я не могу представиться. Если в отношении меня (есть несколько таких профессоров) примут упомянутые выше меры, все уладится. Меня убеждают многие друзья, что так оно и будет. Я уже 27 непрерывных лет на этом месте. Получал золотую медаль за 25 лет и нечто вроде «свидетельств», где признается качество и продуктивность моей работы и где меня поздравляют в этом смысле. Но все будет зависеть от этих новых личностей, о которых я упомянул выше. Поживем — увидим. Со студентами у меня отношения очень хорошие. Меня любят и признают. Хотел написать всего несколько строк, и видишь, что получилось. Все мы шлем тебе и всем твоим наш самый сердечный привет.

Твой Костя

Что с Ритой? Я ей писал, но не было ответа. Если знаешь что-либо о ней, сообщите, пожалуйста. Еще раз привет всем вам.

Наш № дома сейчас 3411. Надо писать: 3411 (antes 332).

¹ Генерал Перон одержал победу на выборах президента летом 1973 г. Его жена Мария Эстела Мартинес де Перон (Исабелита) была избрана на пост вице-президента. Экономическая политика Перона, включая замораживание цен и заработной платы, позволила на время замедлить темпы инфляции в стране. 1 июля 1974 г. Перон умер, и пост президента заняла его вдова. В марте 1976 г. военная хунта свергла Марию Перон, и президентом стал генерал Хорхе Рафаэль Видела.

² ординарный профессор (*исп.*).

³ заслуженный профессор (*исп.*).

⁴ комиссии (*исп.*).

12

Тукуман, 27 февраля 1978 г.

Дорогой Кокище,

прости, что долго не писал. Но мешал целый ряд обстоятельств, но, прежде всего, операция, которой должна была подвергнуться Бубу (умбиликальная грыжа — по-видимому, устаревшие следы последних родов) и которая заставила меня провести в санатории несколько дней и ночей. Сейчас Бубу поправляется, и, по-видимому, все будет хорошо.

Спасибо тебе за твои милые письма, поздравления и статью обо мне, которая перенесла меня в наши юные (одно «н»?) годы, полные дорогих воспоминаний. Отличие, которое я получил 16 декабря в Буэнос-Айресе, заключалось в провозглашении меня «Socio Honorario de la Asociación Argentina de Ciencias Naturales»¹. Это, несомненно, большая и важная академическая организация национального значения, но я не знаю, соответствует ли полностью или нет полученный мной «чин» рангу академика, как его понимают в Европе. Во всяком случае, это большая честь, судя по вводу доктору Ringuet² (старшина здешних зоологов), который представлял меня аудитории, и по многочисленным подтверждениям, словесным и письменным, которые я получил³.

Я рад, что ваша поездка в Северную Америку была такая удачная⁴. В своем последнем недавнем письме Рита мне описала Вашу встречу. Она (и вообще все) в восторге от твоего ораторского таланта. Твои конференции все были по-русски или тоже некоторые по-английски? Во всяком случае, вы получили много новых и ценных впечатлений и повидались со старыми друзьями после стольких лет. От тебя, от Риты и от Володи Р<имского>-К<орсакова> я имею сведения о многих из наших приятелей юных лет. Но до сих пор никто мне не сообщил о судьбе Инночки Раудсепп⁵. И тоже ничего не знаю о Верочке Пилкиной. Она никому не пишет, а на меня, кажется, обиделась (это длинная история недоразумений).

Как твои глаза?⁶ Существуют хорошие капли для подлечивания глаукомы. Моя мама страдала этим недугом, но в течение многих лет поддерживала свое зрение специальными каплями. Не сомневаюсь, что ты тоже достигнешь этого.

Уже начинаем новый академический год. Маленькая поправка к твоей статье обо мне. Я не только продолжаю мою исследовательскую работу, но также сохраняю мои кафедры (сравнительная анатомия и эмбриология, зоопсихология и др.). Мое положение не изменилось, т. к. изменили закон о возрастном пределе и вот уже 31 год минет 1 марта, как я на моем посту в нашем университете. Другие поправки: я родился в 1908 году — по церковному русскому календарю 27 июля (как фигурирует тоже в моих официальных документах), т. е. 9 августа. Исключая аллергическую экзему (на формалин и т. д.), аллергический синусит (по тем же причинам) и некоторую глухоту левого уха, на здоровье не могу пожаловаться.

Вот пока и все. Это письмо дойдет до тебя немного раньше дня твоего рождения. Поздравляю тебя с ним и желаю тебе много здоровья, энергии, удачи и семейного счастья.

Не забывай и пиши, даже если я отвечаю редко.

Сердечный привет от всех нас тебе, Джилл и всем твоим.

Дружески обнимаю. Костя.

P. S. Рита вскоре после твоего отъезда заболела (язвы желудка). Пишет об этом мало, но, по-видимому, поправилась вполне. Лежала в клинике.

¹ Почетный член Аргентинской ассоциации естественных наук (исп.).

² *Рингуле* Рауль Адольф (1914–1982) — аргентинский зоолог.

³ См.: *Андреев Н. К.И. Гаврилов* — почетный аргентинский академик // Новое русское слово. 1978. 31 янв.

⁴ Осенью 1977 г. Н.Е. Андреев с женой навестили дочь, которая училась в Гарвардском университете. Н.Е. Андреев выступал с докладами по-английски и по-русски в Гарварде, Нью-Йорке, Вашингтоне и в Монреале (Канада). Он видел много старых друзей (в том числе упоминаемых в настоящей переписке Риту Мейендорф, Ирину Завойко и Н.П. Толля), с некоторыми из них это была первая встреча после окончания школы.

⁵ Художник Инна Раудсепп продолжала жить в советской Эстонии, занималась книжной иллюстрацией.

⁶ У Н.Е. Андреева обнаружилась глаукома и позднее катаракта.

Тукуман, 17 января 1980 г.

Дорогой мой Кокище,

известие о смерти Риты наполнило меня грустью и тоской, но оно не было неожиданным. В течение долгого времени — много недель — меня преследовало предчувствие этой смерти, и недавно, когда писал Рите поздравление к праздни-

кам, у меня мелькнула мысль (сразу подавленная), что, может быть, мое письмо уже ее не застанет. Тоже предчувствовал, что о смерти Риты узнаю от тебя; поэтому со страхом открывал твое последнее письмо.

В этом предчувствии нет ничего сверхъестественного. Оно объясняется тем впечатлением, которое оставило во мне последнее письмо Риты, где она жаловалась на повторяющиеся кишечные кровотечения. Обманывая себя сознательно (т. е. внушая себе, что болезнь излечимая), бессознательно я чувствовал, что это чересчур серьезно, что это конец, и это ощущение (не признаваемое моим сознанием) меня мучило все это время.

Болезнь Риты не была кратковременная, как тебе сообщили, а длительная — начала проявляться вскоре после твоей поездки в Соединенные Штаты (а сколько времени была латентной, неизвестно). Вероятно, кратковременным было только осложнение, обострение этого недуга.

Рита ушла. Была необыкновенным человеком, необыкновенной женщиной. Для нас, ее друзей, ее смерть — большой удар. Но в памяти сохраняется ее облик — у меня с 1931 года, когда ее видел в Эстонии в последний раз.

Вероятно, Георгий Богданович <Мейендорф> с трудом вынесет свою потерю.

Но довольно о грустном. В твоем письме тоже есть оптимистические строчки, которые подчеркивают снова твою жизненную силу, твой творческий порыв и постоянный свет в твоём служении культуре.

Я рад, что твои коллеги, друзья и ученики издадут твои труды¹. Это, несомненно, наполнит тебя удовлетворением и радостью.

Надеюсь, что у тебя и у всех твоих все хорошо.

У нас все хорошо. В этом году уже должен хлопотать пенсию (из-за 71, почти 72), хотя меня ре-контрактировали на один год для писания моего учебника (но уже без кафедр).

Сейчас работаю в одиночестве — должен закончить до конца этого месяца одну работу по Oligochaeta для San Diego Univ<ersity>, USA. В одиночестве, потому что все мои поехали отдыхать к морю (San Clemente de Tuyú). Я не мог присоединиться к ним из-за этого компромисса. Работаю дома, т. к. это спокойнее, чем каждый день ездить в институт, где сейчас полная пустота из-за летних каникул.

Дорогой Кокище, не забывай и пиши. Всем вам самый сердечный привет. Обнимаю от всего сердца.

Твой *Костя*

¹ Имеется в виду сборник, изданный в честь Н.Е. Андреева: To Honor Nikolay Andreyev. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. № 1/2, Spring – Summer; а также издание, которое вышло посмертно: Poetry, Prose and Public Opinion. Aspects of Russia 1850–1970. Essays presented in memory of Dr N.E. Andreyev / Ed. by W. Harrison and A. Pyman. Letchworth, 1984.

Тукуман, 24 августа 1980 г.

Дорогой Кокище,

был глубоко тронут твоей открыткой. Спасибо за поздравление. В отличие от тебя, я никогда никого не поздравляю, т. к. не помню дат. Это стыдно.

Из твоих кратких строк вижу, что в твоей семье все хорошо.

У нас тоже, исключая самочувствие в связи с обязательным переходом — из-за возраста — на положение пенсиониста. Применение соответствующего закона долго откладывалось, но новый министр ввел это правило без оговорок, несмотря на то что многие кафедры остаются без специалистов. Например, моя главная кафедра сравнительных анатомии, эмбриологии и физиологии осталась в руках моих ассистентов (все женского пола), а другая кафедра — зоопсихология — оказалась в воздухе, без профессора. Все бюрократические новые условия, потеря кафедр и прочие негативные обстоятельства этого нового периода жизни, после 33 лет активной деятельности в университете, меня угнетают, так что не могу похвастаться хорошим настроением. Кроме того, ухудшается довольно значительно экономическая сторона. Семья, до сих пор в пределах сравнительно скромных, но достаточных возможностей — хорошо обеспеченная, должна будет привыкнуть к значительному уменьшению денежного прихода.

Но довольно об этом. Кое-как придется приспособиться. Ты пишешь об итогах, а у меня продолжаются планы. Вероятно, меня оставят *ad honorem*¹ в лаборатории для продолжения исследовательской работы (*oligochaeta*). Но пока это только на словах.

Пишу редко и мало из-за всех этих обстоятельств, с которыми не могу бороться.

Старость не радость, говорит пословица. А я не чувствую старости (исключая некоторого увеличения лени), здоров и мог бы продолжать работу, как раньше. Но ничего не поделаешь. Цифры против меня. Только смотря на детей, понимаю, что время действительно бежит, и очень быстро. Игорь уже в университете — выбрал геологию на нашем факультете естественных наук. Людмила уже кончила школу классических и испанских танцев и собирается открыть свою собственную академию танцев. А маленькая Лариса уже приближается к переходу из начальной в среднюю школу.

Вот пока и все, дорогой Кокище. От меня, от Бубу и от моих сердечный привет тебе и Джилл, и то же всем остальным членам твоей семьи.

Твой Костя

P. S. Странно, со временем забываются многие вещи, особенно имена. Но меня удивляет, что стих Морковина², который вызвал столько споров при издании последнего номера «Нови», остался до сих пор свежим в моей памяти. Воспроизведу его для твоего архива воспоминаний:

Зал сосал Цейссами сцену / Зал бил шквал слез / Зал застеклянил глаз стену /
Зал умирал — туберкулез / Кровь коралла, цвет без цвета / В рот платок — Виоле-
та / Руки скрючил замученный труп / Зал закусил кровь губ.

Не знаю, может быть, ты тоже его помнишь. Но зная, как ты ценишь прошлое,
сообщаю тебе его на всякий случай.

¹ Заслуженный профессор (*лат.*).

² Морковин Вадим Владимирович (1906–1973) — инженер, литературовед, поэт. Член литературного объединения «Скит поэтов» в Праге.

Приложение

К.И. ГАВРИЛОВ — ДЖИЛЛ ХАДДЛСТОН

Тукуман, 18 марта 1982 г.

Дорогая Gill,

с глубоким чувством печали, с бесконечной скорбью узнал из Вашего письма (и из письма Володи Римского-Корсакова, полученного почти в то же самое время) о смерти нашего дорогого, очень дорогого Коки. Понимаю, как Вам было тяжело, трудно пережить эту потерю. Для меня это тоже очень тяжелый удар. Кока был моим самым большим другом в течение почти всей жизни, с юношеских лет. Его уход оставляет меня сиротой, хотя и буду хранить в памяти его образ необыкновенного, большого — очень большого — человека, во всех смыслах.

Выражаю Вам и всей Вашей семье мое глубокое сочувствие. К нему присоединяется моя жена, Бубу, которая говорит, что будет молиться о Коке (она очень религиозна). Она знает о нем — о моем незаменимом Кокище — по моим рассказам.

В этот момент это единственно, что могу написать. Нужно благодарить судьбу, что Кока умер без мучений, характерных для его болезни (рак)¹. Умер во сне, без страданий.

Дорогая Gill, кончаю это письмо с выражением моего самого искреннего дружеского чувства ко всем вам.

Ваш *Костя*

¹ Н.Е. Андреев скончался 25 февраля 1982 г.